

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Р. А. ФАДЪЕВА.

ТОМЪ I.

ВВЕДЕНИЕ.

60 ЛѢТЪ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ.

ПИСЬМА СЪ КАВКАЗА.

ЗАПИСКИ О КАВКАЗСКИХЪ ДѢЛАХЪ.

Издание В. В. Комарова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. В. Комарова. Невскій, № 138—140.

1889.

географическое положеніе Кавказскаго перешейка дѣлаетъ его перепутьемъ торговли двухъ частей свѣта, сталкиваемой до сихъ поръ съ своего естественнаго пути нашими таможенными постановленіями. При такомъ несходствѣ экономическихъ условій управленіе финансами Закавказскаго края съ общимъ финансовымъ управленіемъ имперіи, значило бы только остановить въ зародышѣ всякое развитіе этой страны и увѣковѣчить обременительность ея для государства.

(Окончанія этой статьи въ рукописяхъ покойнаго Фадѣева не нашлось).

ЗАПСКА ОБЪ УПРАВЛЕНІИ

АЗІЯТСКИМИ ОКРАИНАМИ *).

Въ виду тяжелыхъ и постоянныхъ убытковъ государственной казны на Кавказѣ и въ Туркестанѣ, возникаетъ необходимость опредѣлить наконецъ сознательно, сообразуясь съ общими потребностями имперіи, систему управленія этими двумя странами. Не одна Россія имѣетъ владѣнія въ Азіи, но для нея одной они убыточны, и притомъ въ такой степени, что доходъ не покрываетъ даже половину расхода. Дѣло идетъ о великомъ вопросѣ, быстро принимающемъ все большіе размѣры, такъ какъ съ каждымъ царствованіемъ, въ силу неизбежнаго и независимаго отъ человѣческой воли хода дѣлъ, границы русскихъ владѣній въ Азіи постоянно расширяются. Вопросъ въ

*) Эта записка, вмѣстѣ съ другой спеціальной запиской о Кавказѣ, была прислана генераломъ Фадѣевымъ въ редакцію «Русь», по возвращеніи его изъ Тифлиса, гдѣ онъ состоялъ членомъ комиссіи для составленія новаго проекта по управленію Кавказомъ. Въ письмѣ этомъ генералъ Фадѣевъ разрѣшалъ воспользоваться имѣющимися въ запискахъ данными какъ матеріаломъ. Къ несчастію, не удалось съ тѣхъ поръ свидѣться лично съ Ростиславомъ Андреевичемъ, и разспросить его подробнѣе о томъ употребленіи, какое можно сдѣлать изъ этихъ записокъ. Но кажется нельзя сдѣлать лучшаго употребленія и лучшимъ способомъ почтить его память, какъ напечатать, хотя бы даже съ нѣкоторыми пропусками, эти записки, или, по крайней мѣрѣ, главную изъ нихъ — объ азіатскихъ окраинахъ, замѣчательную во всѣхъ отношеніяхъ, блестящую умомъ и талантливою изложеніемъ. Мало умѣли у насъ цѣнить способности этого даровитаго человѣка!

томъ, должно ли считать азіятскія владѣнія обыкновенными областями, подчинять ихъ общимъ учрежденіямъ, или же они требуютъ иныхъ, имъ исключительно свойственныхъ пріемовъ управленія, въ чемъ и въ какой мѣрѣ.

Хотя Закавказскій край занятъ уже 80 лѣтъ, а Средняя Азія менѣе 20-ти, тѣмъ не менѣе вопросъ объ отношеніи государства къ этимъ окраинамъ стоитъ покуда въ одинаковомъ, требующемъ рѣшенія видѣ. Последнему правителю Кавказа предстояло еще завоевывать страну, управленіе которой ему ввѣрялось; новый начальникъ будетъ первымъ, назначаемымъ исключительно для управленія. Въ Туркестанѣ сдѣланъ покуда не болѣе какъ административный опытъ, далеко не оправдавшій себя послѣдствіями.

Очевидно, что увѣковѣченіе такого положенія дѣлѣ, при которомъ азіятскія владѣнія составляютъ бремя для Россіи, не можетъ быть обращено въ систему. Еслибъ даже подобное бремя было признано выносимымъ въ его настоящемъ видѣ, то очень скоро оно станетъ совершенно непосильнымъ. Когда русское царство не остановилось въ своемъ разростаніи на естественныхъ предѣлахъ Кавказскаго хребта и Урала, то кто укажетъ теперь предѣлы, на которыхъ оно остановится? Можно предвидѣть, что со временемъ многія еще страны и многіе миллионы азіятскаго населенія будутъ подчинены русскому господству. Это судьба всякаго европейскаго владычества въ Азіи. Давно уже англичане въ Индіи закаивались идти далѣе, закаивались и голландцы въ Малезіи, прежде еще закаивались римляне, вынужденные силою обстоятельствъ перешагнуть Геллеспонтъ,—и однакожъ всѣ они невольно шли впередъ, по тому же естественному закону, который заставляетъ камень погружаться въ тину, пока онъ не дойдетъ до твердаго дна. Сожительство съ племенами, не сложившимися въ твердо очерченныя народности и не признающими иного права, кромѣ нравственной силы, вынуждаетъ для собственной безопасности подчинять своему вліянію ближайшихъ сосѣдей, а затѣмъ снова выдвигаться впередъ для огражденія этихъ послѣднихъ. Если англичане, голландцы и французы, попавшіе въ Азію и Африку случайно, дорожащіе своими заморскими владѣніями исключительно изъ-за денежныхъ выгодъ, не могутъ избѣжать необходимости невольнаго разростанія; то возможно ли это для Россіи, вдвинутой географически въ азіатскій материкъ, сопря-

касающейся съ его населеніями непосредственно, на протяженіи многихъ тысячъ верстъ? Кто повѣритъ въ устойчивость нашихъ азійскихъ границъ даже со стороны Турціи, видимо разлагающейся, тѣмъ болѣе въ средней и восточной Азіи? Мы можемъ отречься отъ всякаго захвата, но не можемъ отречься отъ обязанности обезпечивать спокойствіе на своихъ предѣлахъ; а это условіе именно влечетъ неодолимою силою каждую европейскую державу, ставшую на почву Азіи, къ постепенному раздвиженію границъ. При такомъ положеніи дѣла, самая обыденная предусмотрительность заставляетъ принимать въ соображеніе, при установленіи системы управленія русскими областями въ Азіи, не только ихъ нынѣшній размѣръ, но неизбѣжный приростъ ихъ въ будущемъ. Пожертвованіе, сносное въ ограниченныхъ предѣлахъ, становится непосильнымъ, когда оно періодически возрастаетъ.

Вопросъ объ удобствѣ распространенія европейскихъ учреждений на владѣнія въ Азіи можетъ подлежать разсмотрѣнію съ разныхъ сторонъ и съ разнообразныхъ личныхъ точекъ зрѣнія, но лишь до тѣхъ поръ, пока эти владѣнія остаются незначительными; съ расширеніемъ ихъ вопросъ упраздняется самъ собою: экономическія средства всякой, самой богатой восточной страны настолько ниже всякой европейской, даже самой бѣдной, что ихъ далеко не станетъ на содержаніе сложныхъ формъ управленія, выработанныхъ послѣдними, когда при этомъ приходится еще держать постоянное войско для обороны края. Англіійскій подданный платитъ въ Европѣ прямыхъ и косвенныхъ податей 90 франковъ, въ Индіи—не выше 7½; голландецъ платитъ болѣе 70 франковъ, — голландскій малаецъ—5½. То же самое явленіе буквально повторяется у насъ. Изъ отчета покойнаго фельдмаршала князя Барятинскаго за 1860 годъ видно, что Ставропольская губернія, при населеніи въ 340 тысячъ, давала нѣсколькими тысячами рублей болѣе дохода, чѣмъ весь Закавказскій край, населенный уже тогда 3-мя миліонами жителей. Принимая официально-показываемую цифру населенія Европейской Россіи и Сибири—76.400.000, на душу приходится по бюджету 1880 года слишкомъ 9 рублей налога всякаго рода. Въ Закавказскомъ краѣ платежная способность населенія выражается цифрою 2¼ р.*), въ Туркестанѣ—1 р. 90 к.:

*) При бюджетѣ 8.832 000 р. и населеніи—3.684.000 душъ.

въ общей сложности и по курсу — тѣмъ же неизмѣнными 6—7 франками, какъ въ Индіи и Малезіи. Цифры эти—показатель общей экономической состоятельности на всемъ Востоку, за единственнымъ исключеніемъ Египта, въ которомъ высшій доходъ приносится Ниломъ, а не людьми. Исторія доказываетъ съ очевидностію, что благосостояніе страны зависитъ не отъ даровъ природы, а отъ духовнаго склада челоуѣка и общественнаго развитія, вырабатываемыхъ тысячелѣтіями, вслѣдствіе чего голландское болото въ 14 разъ богаче Голконды. Конечно разработка естественныхъ богатствъ нашихъ азіатскихъ окраинъ сулитъ еще многое впереди, но совсѣмъ невѣроятно, чтобы эти страны стали когда нибудь богаче Индіи, съ которой англичане, при всемъ ихъ умѣни и беззастенчивости, не могутъ выбрать болѣе 7½ франковъ съ души. Европейцы, которымъ удалось захватить разные углы Азіи, давно поняли неизбѣжныя условія своего владычества и примѣнились къ нимъ: они не помышляютъ о перенесеніи въ Азію своихъ дорогихъ гражданскихъ учрежденій, удерживаютъ въ своихъ рукахъ одну только правительственную власть, оставляя странѣ ея привычную дешевую администрацію, вслѣдствіе чего имъ остается изъ мѣстныхъ доходовъ достаточно средствъ для содержанія вооруженныхъ силъ. У насъ же стоимость одного гражданского управленія въ Закавказскомъ краѣ не только поглощаетъ весь приносимый областью доходъ, но требуетъ еще крупной приплаты со стороны государственнаго казначейства **). Очевидно, что такимъ образомъ можно относиться къ какому-нибудь необходимому стратегическому пункту, напр. къ Сингапуру или Красноводску, а не къ обширному краю.

Въ Средней Азіи можно ожидать постепеннаго выдвигенія осѣдлаго населенія къ югу въ степь, какъ это произошло въ Новороссійскомъ краѣ, въ Заволжьѣ, въ Сибири; но Закавказье и Туркестанъ, такъ же какъ сопредѣльныя имъ страны, не могутъ уже вмѣстить такой массы пришлаго русскаго населенія, чтобы обратиться этнографически въ Россію; онѣ останутся очень надолго русскими владѣніями въ Азіи, со всѣми неизбѣжными условіями такого владѣнія. Въ виду этихъ неизбѣжныхъ условій, въ виду вѣроятной, даже болѣе чѣмъ вѣроятной, не-

**) 1.843,000 р. (Матеріалы по Кавказу).

обходимости постепеннаго раздвиженія нашихъ границъ на Востокъ, нельзя продолжать прежней системы, правильнѣе сказать—рутины, въ отношеніи къ этимъ областямъ; иначе дефицитъ, вынуждаемый такою рутинною, обратится наконецъ въ нѣчто подобное подати, которую русскій народъ высылалъ когда-то въ золотую орду. Еслибъ даже содержаніе азіатскихъ окраинъ насчетъ владычествующаго народа приносило добрые плоды въ какихъ-либо другихъ отношеніяхъ, то его всетаки нужно постепенно прекратить, такъ какъ очень скоро оно станетъ невозможнымъ. Но приноситъ ли оно добрый плодъ въ какомъ нибудь отношеніи? Въ другихъ европейскихъ государствахъ, имѣющихъ владѣнія въ Азіи, вопросъ этотъ давно считается рѣшеннымъ отрицательно; у насъ то же самое доказывается фактами, хотя затемняется фразами. Сущность вопроса очень проста.

Когда европейское правительство становится на мѣсто туземнаго, мусульманскаго или языческаго, не выходя изъ чисто-правительственной задачи, то населеніе, не смотря на отвращеніе къ иновѣрцамъ, немедленно начинаетъ чувствовать выгодныя послѣдствія такой перемѣны: власть не тѣснитъ богатыхъ людей для выжиманія денегъ, не заставляетъ скрывать свои средства и ходить въ лохмотьяхъ, не отымаетъ красивыхъ женъ, устанавливаетъ равную для всѣхъ податную систему, ограждаетъ безопасность на дорогахъ; всѣмъ дышется легче. Особенно же населенія живо чувствуютъ эту разницу подѣрукою русскихъ, которые не смотря на туземцевъ какъ на существа низшей породы, обходятся съ ними человѣчно. Оттого утвержденіе русскаго владычества въ азіатской странѣ всегда на первыхъ порахъ пользуется популярностью. Такъ бывало постоянно и въ закавказскихъ ханствахъ, и въ областяхъ отхваченныхъ отъ Персіи и Турціи, и въ Туркестанѣ; тысячи людей знаютъ это и помнятъ. Но популярность наша продолжается до тѣхъ лишь поръ, пока русская власть остается мѣстнымъ правительствомъ, надзирающимъ за обычнымъ туземнымъ управленіемъ городскимъ и сельскимъ, пока она не переходитъ сама въ мелочную администрацію. Съ этого же перехода начинаются—общее недовольство, народныя вспышки, разгаръ фанатизма, принимающаго форму маюримизма, зикри, джазма и т. п., съ неизбѣжнымъ заключеніемъ большихъ бунтовъ, заставляющихъ вскорѣ удваивать число войскъ

въ краѣ. Явленіе это воспроизводилось до сихъ поръ съ такимъ постоянствомъ въ каждомъ углу нашихъ азіятскихъ владѣній, что его можно признать непреложнымъ закономъ; тѣмъ не менѣе мы не вынесли изъ него до сихъ поръ никакого урока.

Причина явленія достаточно понятна. Въ мусульманскомъ краѣ полезно поддерживать судъ по а д а т у, народному обычаю, противъ шарі а т а, суда духовнаго, дающаго преобладаніе фанатическому духовенству; но подчиненіе христіанскимъ гражданскимъ законамъ равняется для туземца насилуванію на каждомъ шагѣ его вѣры, связанной съ самыми мелочными обычаями жизни. Пскуда чужеземная власть остается сосредоточенной въ рукахъ немногихъ высшихъ правителей, народъ, хотя знаетъ о своемъ порабощеніи, но не чувствуетъ его и мирится съ его послѣдствіями изъ за житейскихъ выгодъ, приносимыхъ ему лучшимъ порядкомъ и большею безопасностью, но какъ только иновѣрные властители принимаютъ на себя низшую администрацію и вслѣдствіе того вносятъ въ народный бытъ свои законы, не только непонятные туземцу, но напоминающіе ему при каждомъ его дыханіи, что онъ рабъ гяура—дѣло принимаетъ другой оборотъ. Пища фанатизму готова. Кромѣ того, между европейскимъ гражданскимъ закономъ и азіятскимъ бытомъ лежитъ бездна. Европейецъ не проживаетъ дня безъ обращенія къ закону, т. е. установленной власти въ какомъ-либо видѣ, отъ городского до натаріуса. Частный человѣкъ въ Азіи признаетъ власть только для охраненія государственной безопасности, а во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ сторонится отъ нея какъ отъ чумы; но европейскій законъ со своими агентами насильно вторгается въ его жизнь и отравляетъ ее. Легко сказать, какъ иногда говорится, что высшіе нравы европейскихъ чиновниковъ должны со временемъ вылѣчить азіятца отъ его отвращенія ко вмѣшательству власти, даже чужеземной; въ дѣйствительности никакое государство не въ состояніи наполнить низшую администрацію азіятскихъ областей иначе, какъ оборышемъ своихъ людей, оборышемъ, который съ теченіемъ времени не умиротворяетъ, а разжигаетъ ненависть людвlastныхъ. Надо прибавить также, что европейскія формы не представляютъ завоевателю полноты средствъ, необходимыхъ для содержанія азіятскаго края въ порядкѣ, напримѣръ круговой отвѣтственности общинъ за разбои, совершаемые на ихъ землѣ, благодаря которой Закавказскій край пользовался безо-

насностью дорогъ до введенія свода законовъ. Это только одинъ примѣръ изъ многихъ подобныхъ. Подчинивъ страну непонятному ей законодательству, приходится потомъ на каждомъ шагѣ замѣнять его несоотвѣствующей ему практикой. Конечно, при долгомъ европейскомъ владычествѣ возникаетъ и на азіатской почвѣ слой разжившихся и въ нѣкоторой мѣрѣ объевропеившихся людей: купцовъ, нѣкоторыхъ помѣщиковъ, ведущихъ обширныя дѣла, а также туземныхъ чиновниковъ, охотно приобѣгающихъ къ просвѣщеннымъ формамъ суда и даже школы; но этотъ слой бываетъ такъ немногочисленъ, что для него, вмѣстѣ съ проживающими въ краѣ европейцами, достаточны немногія въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, недорого стоящія учрежденія. Тѣмъ не менѣе, соприкасаясь почти исключительно съ этимъ промежуточнымъ, ничтожнымъ по количеству, но выдающимся слоемъ населенія, русское начальство въ краѣ легко впадаетъ въ ошибку, судя по немъ о настроеніи массы, и распространяетъ на всѣхъ такъ-называемое благодѣяніе просвѣщенныхъ учреждений. Подчиненные чиновники содѣйствуютъ, конечно, всѣми силами введенію новыхъ формъ управленія, находя въ томъ личный интересъ—должности и жалованье. Когда наконецъ эти просвѣщенные учрежденія становятся общимъ типомъ управленія въ краѣ, они обходятся въ непомѣрную цѣну, во первыхъ, по своей сложности, во многократно превосходящей мѣстное управленіе азіатское, во вторыхъ, потому, что, разливая неудовольствіе въ массѣ, заставляютъ увеличивать силы, необходимыя для содержанія страны въ покорности.

На основаніи вышеизложеннаго можно спросить: кому же выгодно введеніе въ азіатскую область русскаго порядка гражданскаго управленія, разоряющаго властелина и отталкивающего отъ него подвластныхъ?

Обсужденіе этого вопроса было возбуждено въ правительственной средѣ только однажды, вслѣдствіе поданной записки генераломъ Черняевымъ въ 1874 году о туркестанскомъ управленіи. Записка осталась безъ послѣдствій въ силу мнѣнія, высказаннаго директоромъ азіатскаго департамента, что наша миссія въ Азіи существенно-просвѣтительная, а потому въ Россіи не должна жалѣть издержекъ въ настоящемъ, въ виду благодѣтельныхъ послѣдствій ихъ для будущаго. Указаніе на нашу просвѣтительную миссію служить до сихъ поръ самымъ

удобнымъ поводомъ для нещадной растраты трудовыхъ денегъ русскаго народа. Всматриваясь однакоже въ это мнѣніе, оказывается, что оно вовсе не мнѣніе, а не болѣе какъ фраза.

Въ теченіе всѣхъ вѣковъ исторіи былъ только одинъ примѣръ просвѣщенія азіятскихъ населеній посредствомъ европейскаго владычества и слитія ихъ съ господствующимъ народомъ—это было отреченіе Западной Азіи македонскимъ завоеваніемъ; но въ то время религіозныя вѣрованія не стояли еще непереходимой стѣной между побѣдителями и побѣжденными: божества были у нихъ тѣже самыя, разница заключалась только въ мѣстныхъ названіяхъ, переводимыхъ съ одного языка на другой. Съ возникновеніемъ же христіанства и мусульманства между двумя мірами установилось не только отвращеніе, но полное взаимное непониманіе, послѣдствіемъ котораго является тотъ несомнѣнный фактъ, что европейское владычество въ Азіи остается лишеннымъ всякаго нравственнаго вліянія на покоренныхъ, сколько бы оно ни продолжалось. Какъ масло и вода, они не смѣшиваются ни въ чемъ. Англичане, владѣющіе Индіей болѣе столѣтія, откровенно сознаются въ своемъ безсиліи въ этомъ отношеніи, несмотря на чрезвычайныя средства ихъ миссіонерскихъ обществъ, на громадную силу притяженія ихъ торговли. Наше же просвѣтительное орудіе въ Азіи заключается исключительно въ чиновникахъ отъ IV до XIV класса; ни о какомъ иномъ до сихъ поръ не было рѣчи, покрайней мѣрѣ въ средѣ высшаго правительства, въ Петербургѣ.

На мѣстѣ смотрѣли иногда на дѣло иначе. Оба первые кавказскіе намѣстники имѣли въ этомъ отношеніи своеобразныя взгляды. Князь Воронцовъ, не признававшій возможности улучшенія чего-либо посредствомъ распложенія административныхъ агентовъ и формальностей, и экононый на государственные расходы, думалъ закрѣпить за Россіей ея азіятскую окраину возвышеніемъ мѣстнаго дворянства, которому онъ не только покровительствовалъ въ Грузіи, но которое создавалъ въ мусульманскихъ областяхъ въ лицѣ бековъ и агаларовъ. Онъ руководился мыслью, несомнѣнно основательною, что мы не можемъ воздѣйствовать на мусульманскую массу, но можемъ привязать къ себѣ прямымъ интересомъ и со временемъ обрусить высшее сословіе, располагающее этою массою, замѣнить имъ штыки, содержащіе страну въ повиновеніи. Подобная

система доказала уже однажды свою дѣйствительность, обративъ Казанское и Астраханское ханства въ коренныя русскія губерніи, несмотря на населяющіе ихъ миллионы мусульманъ,— правда, при помощи русскаго переселенія въ большихъ размѣрахъ, для котораго въ Закавказьѣ нѣтъ мѣста; но принятое начало обѣщало тѣмъ не менѣе, если не столь полныя, то все-таки значительныя плоды. Князь Барятинскій продолжалъ систему князя Воронцова, но съ двумя отступленіями; онъ хотѣлъ ускорить жатву, которую предшественникъ его имѣлъ въ виду только въ будущемъ, хотѣлъ выростить ее, можно сказать, тепличнымъ способомъ, и для этого учредилъ общество святой Нины, прямую, хотя недоговоренную цѣлью котораго въ его умѣ было обращеніе высшаго мусульманскаго сословія въ православіе; съ другой стороны, князь Барятинскій широко и безъ нужды развивалъ центральную администрацію для приданія кавказскому управленію самостоятельности во всѣхъ отношеніяхъ. Въ отличіе отъ взгляда его предшественника система его имѣла въ виду только политическую, но не экономическую цѣль. Виды первыхъ двухъ намѣстниковъ исчезли съ ними безслѣдно. Созданное съ такими усиліями высшее мусульманское сословіе, не руководимое болѣе въ управленіи, которое одно только придавало смыслъ этому начинанію, не принесло намъ доселѣ никакой пользы. Затѣмъ водворилась система противоположная—возможно полного приравненія закавказскихъ губерній къ русскимъ; допущенныя въ этомъ отношеніи отступленія, какъ видно изъ самаго ихъ свойства, обусловливались не политическими или финансовыми, а исключительно административными соображеніями о непримѣнимости къ краю того или другого параграфа общихъ положеній. Хотя при этой системѣ въ теченіе послѣднихъ 18 тѣхъ доходы края значительно возвысились (не облегчая, впрочемъ, нисколько тягости государства), но какъ подобное возвышеніе вслѣдствіе мира и безопасности, водворившихся послѣ покоренія горцевъ—никогда не можетъ возрасти до открытія, даже до значительнаго ослабленія дефицита по военному и гражданскому вѣдомствамъ, то ясно, что не этимъ путемъ можно достигнуть рѣшенія существеннаго вопроса — безубыточнаго владѣнія азіатскими областями.

Въ Туркестанѣ не обнаруживалось до сихъ поръ никакого

систематическаго взгляда на управленіе краемъ *) и на отношенія его къ государству, такъ какъ учрежденіе на русскія деньги широкихъ административныхъ штатовъ, совсѣмъ не вызываемыхъ потребностями управляемыхъ, наряду съ безпредметнымъ и безконтрольнымъ растрчиваніемъ мѣстныхъ доходовъ, не имѣетъ ничего общаго съ системою. Въ Туркестанскомъ краѣ, вмѣсто заботы о русскихъ интересахъ, буквально проводили просвѣтительную миссію, для поддержанія которой насильно подвергали, напримѣръ, мусульманскій народъ оспопрививанію, а когда жители уклонялись отъ него какъ отъ противнаго вѣрѣ, предразсудокъ ихъ подавляли оружіемъ, а наиболѣе противившихся вѣшали.

Не сравнивая кавказское управленіе, постоянно имѣвшее во главѣ своей первыхъ людей государства, съ управленіемъ туркестанскимъ, нельзя не видѣть однако же, что неустойчивость и недостаточная отчетливость системы управленія въ одномъ краѣ, какъ и полное отсутствіе ея въ другомъ, привели и тамъ и здѣсь къ очень схожему результату. Сравнивая расходъ государства на каждую изъ этихъ окраинъ, по гражданскому и военному вѣдомствамъ вмѣстѣ съ приносимымъ каждою изъ нихъ доходомъ, оказывается: на Кавказѣ, при общемъ расходѣ 44.560,000 рублей и доходѣ 15.400,000, ежегодный дефицитъ составляетъ 29.160,000, т. е. доходъ относится къ расходу какъ 1:2³/₄; въ Туркестанѣ, при расходѣ *) и доходѣ **), дефицитъ ***), а отношеніе дохода къ расходу какъ 1: ****).

Ранѣе разсмотрѣнія условій, при которыхъ можетъ уменьшиться въ нѣкоторой степени тягость по военному вѣдомству на обѣихъ окраинахъ, можно вывести изъ вышесказаннаго достаточно ясныя указанія на средства облегчить ихъ гражданскій бюджетъ. Безъ сомнѣнія, вопросъ о бюджетѣ не можетъ стоять особнякомъ, внѣ связи съ политическими условіями русскаго владычества въ краѣ; но въ этомъ отношеніи очевидныя послѣдствія доказываютъ, что каждый лишній расходъ, допускаемый въ управленіи азіатскою областью, составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ политическую ошибку.

*) Здѣсь разумѣется управленіе краемъ при генералѣ Кауфманѣ.

), **), *), ****). Въ рукописи г. Фадѣева цифры по Туркестанскому краю не проставлены, а оставленъ пробѣлъ.

Туркестанъ представляетъ чистую, непримѣсную азіатскую окраину, а потому и въ вопросѣ объ управленіи имъ не заключается большой сложности. Погрѣшности, допущенныя въ устройствѣ этой окраины, произошли отъ промаховъ одного лица; въ нихъ нѣтъ спутанности, истекающей изъ послѣдовательнаго населенія противоположныхъ системъ и взглядовъ; онѣ такъ еще свѣжи, что исправленіе ихъ не особенно затруднительно. Рѣшать политическіе вопросы, подобные тому, какимъ образомъ связать эту страну съ Россіей органически, въ Туркестанѣ еще слишкомъ рано; покада достаточно сбавить, насколько можно, тягость государства и высвободить туземное населеніе изъ-подъ «просвѣтительнаго» начала, проводимаго канцелярскимъ способомъ. Все зависитъ отъ качествъ лица, которое будетъ избрано для управленія краемъ. Новому начальнику предстоитъ прежде всего выяснитъ мѣстные доходы, опредѣлить дѣйствительно необходимые предметы расхода, устраняя тѣ, которые называются у насъ полезными, и сократить русскую администрацію до предѣловъ, на которыхъ кончается сознательное нравственное дѣйствіе, не круша всего разомъ, дожидаясь для упраздненія должностей естественнаго очищенія вакансій, когда занимающіе ихъ люди безупречны. Серьезному начальнику трудно взять на себя одного всю эту ломку, и онъ потребуетъ вѣроятно сенаторской ревизіи *). Сокращая русскую администрацію на низшихъ ступеняхъ службы, необходимо замѣнять ее дешевой туземной, возстановить послѣднюю въ прежнемъ, привычномъ народу видѣ. Самоуправленіе внизу распространено на всемъ Востокѣ и вездѣ дѣйствуетъ удовлетворительно. Если при томъ бываютъ злоупотребленія, то они не вызываютъ жалобъ и не касаются до насъ. Неизбѣжная грязь мелкаго азіатскаго управленія не роняетъ величіе владычествующаго народа въ глазахъ туземцевъ, покада привычныя взятки берутъ туземцы же, а не властелины еще болѣе, — эта практическая истина составляетъ краеугольный камень европейскаго владычества въ Азіи. Новое управленіе должно начать естественно съ естественнаго очищенія отъ прежде нанесеннаго сора. Затѣмъ предстанетъ вопросъ объ опредѣленіи поземельныхъ правъ, не

*) Такъ и сдѣлано генераломъ Черняевымъ (Редакція).

въ смыслѣ размежеванія по притязаніямъ туземцевъ, а съ государственной точки зрѣнія, съ той точки, какъ смотрѣли на предметъ князь Воронцовъ и князь Барятинскій. Азіятскія страны не похожи одна на другую какъ и европейскія, и пригодное для одной можетъ не годиться для другой; но условія русскаго владычества въ каждомъ азіатскомъ владѣніи сходны въ томъ, что мы не можемъ безъ собственнаго истощенія держать край въ рукахъ посредствомъ однихъ штыковъ и чиновниковъ, не опираясь на властныхъ и заинтересованныхъ въ нашу пользу, союзниковъ въ средѣ самого населенія. Вопросомъ же о землевладѣніи преимущественно рѣшается — кого мы принимаемъ въ союзники. Въ кочевыхъ туркестанскихъ племенахъ сильно развито родословное начало, крайне неполитично нами подавленное; въ осѣдлыхъ нѣтъ родовой аристократіи, но есть денежная, вліятельная въ Азіи, какъ и вездѣ, которую можно заинтересовать въ нашу пользу.

Управленіе Туркестаномъ, какъ и всякою вновь присоединяемою азіатскою областью, можно будетъ считать устроеннымъ окончательно тогда лишь, когда все мѣстное управленіе и войска, необходимыя для удержанія чужеземнаго края въ покорности, станутъ содержаться на его счетъ, безъ разоренія жителей. Конечно, силы, назначаемыя для войны противъ значительнаго внѣшняго непріятеля, не могутъ входить въ этотъ счетъ; но сравненіе доходовъ края со стоимостью расположенныхъ въ немъ войскъ, показываетъ наглядно, что при должной экономіи въ мѣстномъ управленіи, онъ можетъ вынести тягость нынѣшняго своего военнаго бюджета. Безъ такого исхода обширное азіатское владѣніе невозможно.

Вопросъ о Кавказѣ несравненно сложнѣе. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ, мало даже связанныхъ между собою вопросовъ: 1) О пригодности соединенія подъ одною властію русскихъ и чужеплеменныхъ загорныхъ областей. 2) О правильности одинаковаго законодательства для христіанской и мусульманской половины Закавказскаго края. 3) О бюджетѣ закавказскаго гражданскаго управленія. 4) О Закавказьѣ въ военномъ отношеніи, какъ о двоякомъ основаніи и для турецкой войны, и для дѣйствій за Каспійскимъ моремъ. 5) О сохраненіи или упраздненіи званія намѣстника. Ранѣе какого либо общаго заключенія, каждый изъ этихъ вопросовъ долженъ быть взвѣшенъ отдѣльно.

Соединеніе подѣ однуо властью Сѣвернаго и Южнаго Кавказа, т. е. русскаго края съ азіятскимъ, не было послѣдствіемъ какого либо обсуженнаго правительствомъ рѣшенія. Въ то время, когда русскія войска вступили первые въ Закавказье, предгорный Кавказъ былъ такою же Азіей, занятый почти исключительно ногайскою ордою. Край этотъ постепенно заселялся и сталъ русскимъ уже впослѣдствіи; но тогда внутренняя война, охватившая горы съ обѣихъ сторонъ, требовала единства дѣйствій, а потому нельзя было думать о раздѣленіи. Вопросъ этотъ выдвигается только теперь, при назначеніи на Кавказъ перваго начальника, посылаемаго не для войны, а для управленія; но тѣмъ не менѣе, нельзя не видѣть, что онъ выдвигается силою обстоятельствъ, а не чѣмъ либо личнымъ усмотрѣніемъ. Не можетъ быть рѣчи покуда о выдѣленіи изъ подѣ закавказскаго управленія областей съ сплошнымъ азіятскимъ населеніемъ, даже на сѣверномъ склонѣ хребта, какова Чечня; но по какому поводу связывать въ одно съ чужеплеменнымъ краемъ чисто русскія земли: Ставропольскую губернію, кубанское и терское войско, когда между ними нѣтъ ничего общаго? Управленіе тамъ и здѣсь требуетъ совсѣмъ иныхъ пріемовъ, къ чему никакой человѣкъ не способенъ съ полною отчетливостію. Около 1.300.000 русскихъ людей находятся до сихъ поръ на исключительномъ, безправномъ положеніи, ради поддержанія единства системы въ намѣстничествѣ,—что чувствуется очень живо, доводить уже теперь, а скоро доведетъ въ гораздо большей еще степени, до ропота и протестовъ со стороны населенія. Въ правительственной практикѣ обѣ половины намѣстничества, русская и инородческая, размежеваны уже между собою тою мѣрою, что бюджетъ Сѣвернаго Кавказа росписывается по смѣтамъ министерствъ, закавказскій же составляетъ отдѣльную статью. Остается только признать въ принципѣ дѣленіе, признаваемое на практикѣ. Доводы поборниковъ цѣльности намѣстничества положительно не выдерживаютъ критики. Соединеніе подѣ однимъ начальствомъ войскъ, расположенныхъ по обѣ стороны горъ не имѣетъ ничего общаго съ гражданскимъ управленіемъ; корпуса дѣйствующей арміи, подчиненные намѣстнику Царства Польскаго, квартировали въ западныхъ губерніяхъ и Малороссіи; донскіе полки служили массою на Кавказѣ, какъ служатъ теперь кубанскіе и терскіе. Единственное усложненіе въ этомъ вопросѣ представляетъ размежеваніе терскаго войска съ чеченскимъ населеніемъ,

но усложненіе легко устранимое; рѣка Сунджа служить естественною границею, отъ нея немудрено протянуть пограничную черту къ устью Малки. По эту сторону останется нѣсколько чеченскихъ ауловъ, которые сами собою войдутъ въ составъ казачьяго населенія; по ту сторону останется нѣсколько безземельныхъ станицъ 2-го владикавказскаго полка, которыя будутъ рады выселиться. Пользы государства и права кореннаго русскаго населенія не могутъ подчиняться соображеніямъ о размежеваніи нѣсколькихъ деревень. Надобно замѣтить при этомъ, что разрывъ между кубанскимъ и терскимъ войскомъ былъ въ собственномъ сознаніи ихъ дѣломъ совѣтъ неудобнымъ, и что продолжать этотъ разрывъ еще далѣе, оставляя терское войско при чужеземной окраинѣ, значило бы подрывать одну изъ незамѣнимыхъ русскихъ силъ—силу кавказскаго казачества.

Безразличное подчиненіе,—не одному лицу, что было естественно, а одной системѣ управленія,—христіанской и мусульманской половины Закавказскаго края повело въ свою очередь къ извращенію взгляда на отношенія государства къ его загорнымъ владѣніямъ, послужило источникомъ всѣхъ послѣдующихъ ошибокъ. Мы стоимъ за Кавказомъ потому только, что христіанской Грузіи удалось, цѣною сверхчеловѣческихъ усилій, уцѣлѣть до того часа, когда Россія доросла наконецъ до подножія Кавказа. Грузія свободно отдалась Россіи и не можетъ существовать иначе какъ съ Россіей, между тѣмъ какъ мусульманскія губерніи перешли бы и теперь еще съ великимъ удовольствіемъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, подъ владычество Турціи или Персіи. Грузины, какъ христіанскій народъ, не отторженный неодолимою гранью корана отъ европейскаго склада понятій, способны къ тому же развитію, какъ и мы, русскіе. Управленіе Грузіей требуетъ покуда, можетъ быть, нѣкоторой особенности въ административныхъ приѣмахъ, но не ставитъ между двумя христіанскими губерніями Закавказья и Россіей никакой разницы политической. Для русскаго государя грузины такіе же православные подданные, какъ и кровные русскіе; на войнѣ ихъ можно поставить подъ ружье всѣхъ поголовно, даже съ ихъ собственными офицерами. Хорошее ли, дурное ли настроеніе мнѣнія въ Грузіи—имѣетъ не болѣе значенія, какъ такое же настроеніе одной изъ русскихъ губерній, также легко излѣчимо. По совѣсти и по здравому

смыслу, грузинскія губерні должны быть приобщены къ общему развитію кореннаго русскаго населенія. Сокращеніе издержекъ на управленіе Грузіей можетъ быть осуществлено тремя мѣрами: устраненіемъ особенностей и изыятій, всегда ведущихъ къ лишнему расходу, которыми столь богато Закавказское Уложеніе; ограниченіемъ непомерно разросшихся размѣровъ центрального управленія, — и примѣненіемъ къ этой странѣ всѣхъ упрощеній, неотразимо вызываемыхъ теченіемъ обще-русской жизни, въ мелочной административной опекѣ по мѣрѣ ихъ осуществленія въ Россіи. Грузія не можетъ расширяться, а потому нечего опасаться новыхъ растратъ съ этой стороны.

Совсѣмъ иное дѣло—мусульманскія области. Онѣ могутъ раздвинуться еще очень далеко, но даже въ настоящемъ видѣ поглощаютъ на свое искусственное управленіе много государственныхъ средствъ совершенно безплодно. Хотя въ Закавказскомъ краѣ и далѣе, почти до Средиземнаго моря, между мусульманскимъ населеніемъ разбросано клочками армянское, но это послѣднее вездѣ не только составляетъ меньшинство (не выше трети), но до такой степени поработчено духовно долгимъ татарскимъ игомъ, что въ отношеніи къ намъ эти области, не смотря на присутствіе въ нихъ армянъ, нельзя считать иначе какъ чисто мусульманскими. Достаточно видѣть разъ, какъ богатый армянинъ въ подвластной Россіи области (конечно вѣдѣ Тифлиса) гнется передъ оборваннымъ бекомъ, чтобы судить—насколько онъ можетъ покуда служить опорой русской власти... Должно, конечно, поддерживать армянское населеніе въ матеріальномъ отношеніи, какъ трудолюбивое и промышленное, въ случаѣ особенной надобности можно даже вооружить его—покуда оно разбросано клочками посреди татарскаго племени и его боится, чему впрочемъ не предвидится конца. Возстановленіе же армянской народности, преобладаніе которой надъ мусульманами нигдѣ не продержалось бы дня безъ присутствія русскихъ штыковъ, могло бы стать цѣлію нашей политики въ такомъ лишь случаѣ, еслибъ пришлось во что бы ни стало исхитить эту задачу изъ другихъ рукъ—не иначе. Въ общемъ же выводѣ на мусульманскія области Закавказья никогда не слѣдовало, не слѣдуетъ и теперь смотрѣть иначе, какъ на чисто азіатскія. Со стороны русской власти было несомнѣнной ошибкой подчинить ихъ однородному

управленію съ Грузіей. Но теперь это управленіе существуетъ уже десятки лѣтъ и замѣнить его внезапно инымъ, произвести этотъ переворотъ столь же скоро какъ въ Туркестанѣ, конечно нельзя. Новый начальникъ края можетъ только упростить его и тѣмъ удешевить. При настоящемъ положеніи дѣла упрощеніе должно заключаться не въ упраздненіи, а лишь въ сокращеніи числа и состава учреждений, перенесенныхъ въ мусульманскія земли ради «просвѣтительной миссіи». До учрежденія намѣстничества Закавказскій край дѣлился на двѣ губерніи, и конечно не мѣстное населеніе жаловалось на недостаточное число присутственныхъ мѣстъ, канцелярій и чиновниковъ; теперь тамъ пять губерній, кромѣ новозавоеванныхъ областей, и почти въ три раза болѣе уѣздовъ, а большая и малая губернія, большой и малый уѣздъ стоятъ одинаковыхъ денегъ. Въ этомъ направленіи можно ждать наибольшаго сокращенія, но есть и другія средства. Новыя судебныя установленія, на примѣръ, стали явно вразрѣзъ съ потребностями и понятіями большинства,—они прямо мѣшаютъ разумному управленію краемъ. Наше уголовное судопроизводство по Своду Законовъ бесцельно для сдержанія азѣтскаго края въ порядкѣ и можетъ быть съ выгодною замѣнено военными судами для крупныхъ и усиленіемъ полицейской власти для мелкихъ дѣлъ; иски до известной суммы могутъ рѣшаться по обычаю, послѣ чего одинъ судъ для обрусѣвшаго зажиточнаго слоя окажется достаточнымъ на всѣ татарскія губерніи; такой шагъ показался бы понятнымъ только чиновникамъ, а никакъ не населенію. Власть мѣстныхъ начальниковъ должна быть непременно расширена, съ упраздненіемъ должностей служащихъ только для поддержанія ничего не ограждающаго формализма, столько еще болѣе вреднаго въ Азіи чѣмъ у насъ дома. Приведеніе центральныхъ управленій на Кавказѣ, военныхъ и гражданскихъ, въ размѣръ, на примѣръ, варшавскихъ дало бы одно болѣе милліона экономіи.

При князѣ Воронцовѣ гражданское управленіе состояло изъ Совѣта, канцеляріи намѣстника, начальника управленія съ его секретаремъ и экспедиціи государственныхъ имуществъ, которой Воронцовъ не хотѣлъ, которая была навязана ему изъ Петербурга. Отдѣльныя части—учебная, почтовая, горная и карантинно-таможенная—управлялись членами Совѣта, при которыхъ состояло 2—3 чиновника. Штабъ, даже послѣ пере-

именованія начальника его начальникомъ главнаго штаба, имѣлъ размѣры корпуснаго, съ весьма ограниченными добавленіями. Нынѣ гражданское управленіе заключаетъ въ себѣ 20 различныхъ учреждений, 217 чиновниковъ и стоитъ 637,000 р. (стоимость варшавскаго центральнаго управленія 212½ тыс.); въ военно-окружномъ кавказскомъ управленіи 948 лицъ и стоимость 859,000. (варшавскаго 259,000). Изъ этихъ цифръ достаточно видно чрезмѣрное излишество нагроможденныхъ на Кавказѣ бюрократическихъ учреждений, военныхъ и гражданскихъ. Можно было бы указать еще на многіе предметы. Отмѣна преимуществъ закавказской службы, утратившей смыслъ въ настоящее время, когда сотни людей окончившихъ университетскій курсъ остаются въ Россіи безъ хлѣба, дастъ очень большое сокращеніе. Упраздненіе земской стражи, расходящейся преимущественно по карманамъ полиціи, сбавить большую сумму съ мѣстныхъ повинностей. Это еще далеко не все. За Кавказомъ нѣтъ ни одного учрежденія безъ излишества въ размѣрахъ и расходахъ. Такой трудъ упрощенія не можетъ конечно быть совершенъ разомъ, онъ требуетъ времени и послѣдовательности, онъ долженъ щадить личности, но отъ него можно ждать крупныхъ плодовъ. Въ 1860 году, не смотря на очень многія излишества, введенныя уже тогда въ мѣстныя учрежденія, питательные расходы на содержаніе разныхъ частей гражданскаго управленія составляли 1.707,000 р. Если считать съ тѣхъ поръ возвышеніе всѣхъ дѣлъ на половину, то на гражданское управленіе, при сохраненіи тогдашнихъ его размѣровъ, выходило бы теперь съ небольшимъ 2 милліона. Приложивъ еще полъ-милліона на постепенное развитіе учреждений двухъ грузинскихъ губерній, дѣйствительно имъ пригодныхъ сравнительно съ русскими, получимъ 3 милліона,—со всякими экстраординарными положимъ 3 ;—прибавимъ еще полъ-милліона на военно-народное управленіе, значительно съ тѣхъ поръ разившееся—всего будетъ 4 милліона. Изъ доходовъ края, 8.832,000, оставалось бы до 5 милліоновъ на покрытие военныхъ издержекъ или иныхъ расходовъ Государственнаго Казначейства. Въ этотъ счетъ не включены еще излишки въ расходахъ Сѣвернаго Кавказа. Но можно ли было оставаться до сихъ поръ—не при денежныхъ окладахъ, а при размѣрахъ гражданскаго управленія 1860 г., которое тогда уже упрекали въ излишествахъ? Конечно никто изъ живущихъ

на Кавказѣ частныхъ людей въ томъ не усомнится. Еслибъ возрастаніе доходовъ пошло еще на разработку естественныхъ богатствъ края, оно окупилось бы со временемъ, но оно ушло почти все на усовершенствованія формальнаго дѣлопроизводства. Это впрочемъ естественно, въ той же колѣѣ шло обще-государственное управленіе; но очевидна также невозможность продолжать подобныя отношенія государства къ его азіатскимъ окраинамъ.

Главный расходъ по Кавказу — содержаніе сухопутныхъ силъ, всего 18.458.000, окупается изъ мѣстныхъ доходовъ, лишь на сумму 234.000 р. Бюджетъ морскаго вѣдомства, 1.269.000, не имѣетъ прямого отношенія къ владѣнію Кавказомъ, такъ содержаніе каспійской флотиліи было бы необходимымъ даже тогда, еслибъ мы и не переходили за хребтъ. Нельзя также связывать съ мѣстнымъ бюджетомъ — силъ, потребныхъ для внѣшней войны; дѣйствія въ азіатской Турціи, напримѣръ, обуславливаются европейскою политикою, а не мѣстными обстоятельствами, въ родѣ тѣхъ, которыя заставляютъ англичанъ прибѣгать къ оружію въ Индіи. Нѣтъ, наконецъ, повода относить къ кавказскимъ расходамъ содержаніе войскъ въ безлюдной и бездоходной Закаспійской области, занятой въ виду совѣтъ особыхъ цѣлей. За исключеніемъ этихъ общегосударственныхъ статей бюджета, остается расходъ на содержаніе войскъ для обезпеченія полной покорности въ краѣ. Необходимое количество этихъ войскъ опредѣляется примѣрно пропорціей, въ которой могли бы быть выведены изъ Закавказскаго края и Дагестана расположенныя тамъ силы во время глубокаго мира и при условіи скорого возвращенія ихъ на мѣсто въ случаѣ внѣшней войны. Правильная система управленія окраиной должна имѣть въ виду, чтобы такой расходъ покрывался со временемъ изъ мѣстныхъ доходовъ. Сѣверный Кавказъ при этомъ вовсе не слѣдуетъ вводить въ расчетъ. Кто не видитъ необходимости немедленно прекратить такое положеніе дѣлъ, при которомъ 300.000 горцевъ, населяющихъ этотъ склонъ, обезоруженныхъ и разселенныхъ почти исключительно на плоскости, соприкасающейся непосредственно съ русскою губерніею и двумя казачьими войсками, могли бы еще вынуждать къ содержанію регулярныхъ войскъ для обезпеченія ихъ покорности!

Для сокращенія военныхъ расходовъ Закавказскаго края имѣется ясное средство — перевести на мирное положеніе въ

находящіяся тамъ войска и вывести на Кавказскую линію и во внутреннія губерніи тѣ, въ которыхъ на мѣстѣ нѣтъ надобности, начиная съ регулярной кавалеріи, содержаніе которой за горами обходится особенно дорого. Эта мѣра дала бы значительное облегченіе, такъ какъ въ Россіи и на линіи штаты ниже и содержаніе много дешевле. Разумѣется, вмѣстѣ съ тѣмъ военно-окружное управленіе должно быть приведено въ соотвѣтственные размѣры, стоитъ не болѣе варшавскаго. Удобно-исполнимость этихъ мѣръ наглядно видна изъ слѣдующаго перечня.

Въ 1856 году, по заключеніи парижскаго мира, внутренняя война на Кавказѣ была въ полномъ разгарѣ, а войска постоянно развлекались походами въ горы и вмѣстѣ съ тѣмъ должны были стоять на готовѣ для отраженія вторженій непріятели въ подгорныя страны. Въ это смутное время полевыхъ силы, занимавшія Закавказскій край и Дагестанъ, состояли изъ гренадерской и 21-й пѣхотной дивизій при 10 эскадронахъ, конечно на боевомъ положеніи, такъ какъ онѣ вслѣдствіе могли быть вызваны въ бой. Такъ продолжалось вплоть до покоренія Кавказа. Въ 1881 году, среди глубокаго внѣшняго и внутренняго мира, эти силы состоятъ, кромѣ тѣхъ же—гренадерской и 21-й пѣхотной дивизій, еще изъ 38-й, 39 и 41-й пѣхотныхъ дивизій, при 16 эскадронахъ. Принимая въ расчетъ сокращеніе числа баталіоновъ въ полкахъ и части мѣстныхъ войскъ, выходитъ тѣмъ не менѣе, что баталіоновъ на треть болѣе въ нынѣшнее мирное время, чѣмъ было въ военное. Внезапной войны съ Турціей никогда не бывало и быть не можетъ; въ послѣднюю войну, съ начала первыхъ мѣсяцевъ по мобилизации, мы имѣли 9 мѣсяцевъ для приготовленія къ ней. Закаспійскія войска также легко поддержать изъ Астрахани и Петровска, какъ изъ Баку.

Еслибъ русскія желѣзныя дороги были связаны съ закавказскими (черезъ Дагестанъ, такъ какъ люди идутъ туда постоянно съ Волги), то исключительное положеніе этой окраины упразднилось бы само собою, турецкая граница въ Азіи стала бы въ тѣ же условія, какъ въ Европѣ; съ постепеннымъ же осуществленіемъ проекта новаго военнаго устройства, имѣющаго окончательною цѣлію переходъ въ поземельную военную систему, скопленіе войскъ по границамъ должно вездѣ прекратиться. При кадровой арміи это не можетъ быть иначе, такъ

какъ неукomплектованныхъ частей нельзя вести на непріятеля, не подѣкая въ корнѣ боевой силы государства, а укомплектованіе происходитъ гораздо скорѣе въ полковомъ участкѣ, и передвиженіе войскъ по желѣзнымъ дорогамъ производится значительно быстрѣ полными частями, чѣмъ маршевыми командами,—какъ узнали опытомъ всѣ военно-дорожныя управленія.

Званіе намѣстника кавказскаго было учреждено при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, которыхъ болѣе не существуетъ. Главнокомандующій арміею въ военное время, по учрежденію 1812 года, былъ законнымъ полномочнымъ распорядителемъ страны занятой арміею; но все это кончилось. Тѣмъ не менѣе азіятскія окраины до сихъ поръ отзываются для государства тяжелымъ дефицитомъ, нисколько не сокращающимся съ теченіемъ времени, единственно вълѣдствіе отсутствія строго-соображенной и незыблемой системы, положенной въ основаніе управленія ими. Но незыблемая система можетъ быть плодомъ только правительственнаго сознанія, передаваемого изъ поколѣнія въ поколѣніе; она невозможна, когда рѣшеніе дѣла представляется личному усмотрѣнію послѣдовательнаго ряда единичныхъ людей, облакаемыхъ полномочіемъ. Даже самые проныцательные и опытные государственные люди будутъ всегда смотрѣть на тотъ же предметъ, хотя бы и правильно, но съ различныхъ точекъ зрѣнія. Къ неуклонному проведенію системы чрезъ рядъ поколѣній способны только установленія, а не мѣняющіяся личности. Если упрощеніе системы управленія азіятскими окраинами признается своевременнымъ, то надо признать и то, что цѣль эта недостижима посредствомъ облеченныхъ постояннымъ полномочіемъ мѣстныхъ начальниковъ, отвѣстныхъ исключительно предъ лицомъ Государя. Безъ сомнѣнія, эти лица не могутъ обойтись безъ права на полномочіе. Но полномочіе должно простирается только на дѣйствіе въ виду текущихъ событій, съ принятіемъ на себя отвѣтственности за него, а не на установленіе системы управленія краемъ, которая есть дѣло правительственное. Но общее правительство можетъ сознательно блюсти только за тѣми сторонами дѣла, съ которыми лица его составляющія сопріясаются практически, которыя имъ знакомы изъ ежедневнаго движенія дѣлъ. Министръ, отстраненный отъ завѣдыванія своимъ вѣдомствомъ на пространствѣ какой-либо окраины, судящій объ ея потребностяхъ не иначе, какъ со словъ мѣстнаго на-

чальника, ставится въ невозможность охранять общегосударственные виды въ томъ краѣ по своей части, вслѣдствіе чего мѣстные интересы берутъ немедленно перевѣсъ надъ государственными, а затѣмъ неизбежно начинается возрастаніе дефицитовъ. Тоже происходитъ когда какая либо окраина подчиняется исключительно одному вѣдомству—какъ напримѣръ Туркестанъ военному; это худшее изъ полномочій—полномочіе за глазами. Людей пекущихся объ общемъ дѣлѣ столько же, какъ о своемъ прямомъ, почти не бываетъ; безпристрастіе является только слѣдствіемъ равновѣсія силъ; а потому всякое безсрочное полномочіе влечетъ неодолимо къ полномочію въ свою пользу. Въ этомъ отношеніи очевидный интересъ имперіи требуетъ—не уменьшенія власти высшихъ правителей окраинъ, они должны быть облечены правомъ приказать во всякомъ данномъ случаѣ все, что считаютъ нужнымъ—требуется охраненіе единства цѣлей на всемъ пространствѣ Россіи, а слѣдовательно — постоянной связи всѣхъ вѣдомствъ, на всѣхъ окраинахъ, съ ихъ центральнымъ управленіемъ. Въ то время, когда азіатскія окраины только занимались, вниманіе было естественно устремлено на однѣ политическія цѣли; но затѣмъ необходимо должна была придти пора установить къ нимъ такія отношенія, при которыхъ онѣ служили бы общей пользѣ государства, а не государство существовало для нихъ.

Правильное отношеніе азіатскихъ окраинъ къ государству можетъ быть установлено самыми простыми мѣрами; при условіи, чтобъ онѣ были введены твердо въ правительственную систему и преподаны обязательно мѣстнымъ начальникамъ. Главныя изъ этихъ мѣръ, взвѣшенныя выше, заключаются:

По Туркестану.

- 1) Въ сокращеніи главнаго мѣстнаго управленія.
- 2) Въ ограниченіи русской администраціи предѣлами, на которыхъ кончается прямое правительственное дѣйствіе и въ восстановленіи низшей, дешевой туземной администраціи.
- 3) Въ прекращеніи, по крайней мѣрѣ временномъ, всякихъ расходовъ на «просвѣтительную миссію».

По Закавказскому краю.

- 1) Въ сокращеніи центрального, военнаго и гражданскаго управленія, до размѣровъ приблизительно варшавскаго.
- 2) Въ выводѣ изъ загорныхъ областей въ болѣе дешевыя мѣстности регулярныхъ войскъ, введенныхъ туда послѣ поко-

ренія Кавказа. Конечно, прежняго числа станетъ на занятіе края со вновь завоеванными областями, если его ставало на содержаніе непріятели вдоль всего южнаго хребта.

3) Въ установленіи правильныхъ отношеній къ Грузіи и мусульманскимъ областямъ, не смѣшивая впредь первой съ послѣдними.

4) Въ уменьшеніи непомѣрно разросшагося числа губерній и уѣздовъ.

5) Въ отмѣнѣ отжившихъ свое время преимуществъ по службѣ въ краѣ.

Въ вышепоказанныхъ сокращеніяхъ излишнихъ размѣровъ административнаго и судебного вѣдомствъ, особенно въ мусульманскихъ губерніяхъ.

7) Въ немедленной продажѣ разбросанныхъ клочками и бездоходныхъ государственныхъ имуществъ.

Кромѣ этихъ главныхъ мѣръ, есть еще многія другія, которыхъ не зачѣмъ перечислять, такъ какъ осуществленіе ихъ тѣсно зависитъ отъ характера и взгляда начальствующаго лица.

Бывши довѣреннымъ человѣкомъ фельдмаршала кн. Барятинскаго во время его управленія Кавказомъ, посвященнымъ поэтому во взгляды и заботы занимавшіе правительство въ ту пору, — нынѣ, посѣтивъ Тифлисъ черезъ 15 лѣтъ (въ качествѣ члена коммисіи по переустройству кавказскаго управленія), я былъ пораженъ возникновеніемъ въ общемъ сознаніи туземцевъ нѣсколькихъ недоразумѣній первой важности, о которыхъ тогда не было еще помина, и которыя должны быть разрѣшены непременно, чтобы не дать имъ разростись до крайнихъ послѣдствій.

Коммисія, недавно окончившая свои занятія, была первымъ шагомъ въ этомъ направленіи. Первоначально предполагалось возложить на нее широкую экономическую задачу уравненія расходовъ со средствами и потребностями края, на основаніи Высочайше одобренной записки 13 декабря 1881 г. объ азіатскихъ окраинахъ. Но вслѣдствіи односторонности программы, выработанной въ комитетѣ министровъ, занятія коммисіи ограничились переустройствомъ главнаго управленія. Между тѣмъ необходимость положить систематически конецъ безотчетному разростанію расходовъ въ Кавказскомъ краѣ бьетъ въ глаза. Какъ выяснено подробно въ запискѣ 13 де-

кабря 1881 года, доходы этой азіатской окраины, также и всякой подобной, слишкомъ низки сравнительно съ цифрой населенія, чтобы въ нее можно было вводить сложныя формы обще-русскаго управленія иначе, какъ на счетъ внутреннихъ губерній, что, при постоянномъ и неизбѣжномъ разростаніи русскаго владычества въ Азіи, приводитъ насъ къ абсурду. Насколько такое усложненіе идетъ въ разрѣзъ даже съ прямыми интересами окраины — видно изъ слѣдующаго простаго соображенія: по сознанию какъ мѣстнаго управленія, такъ и туземнаго населенія, насущныя, несочиненныя потребности страны заключается: 1) въ размежеваніи, безъ котораго частная собственность остается почти мертвымъ капиталомъ, не повышается въ цѣнѣ; 2) въ орошеніи, по крайней мѣрѣ въ восстановленіи системы орошенія, существовавшаго до русскаго владычества, такъ какъ въ этомъ жаркомъ поясѣ самыя богатыя земли обращаются безъ воды въ пустыню; 3) въ дорогахъ, связывающихъ производительныя мѣстности съ главными путями сообщенія. Исчислено, что однимъ милліономъ въ годъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; можно было бы удовлетворить этимъ тремъ потребностямъ разомъ, чего не было до сихъ поръ сдѣлано вовсе по недостатку въ средствахъ. Съ 1860 года расходы на закавказское управленіе возросли съ 1.700.000 на 8 милліоновъ, а съ земскими сборами на 10½ милліоновъ, но изъ всего прироста, расходившагося безъ остатка на усложненіе штатовъ администраціи, ни разу не осталось даже 300.000 на ускореніе межеванія, о которомъ всѣ вздыхаютъ. Уполномоченные министерствъ высказали въ своей объяснительной запискѣ, что для восстановленія соразмѣрности въ Кавказскомъ краѣ между расходами и потребностями слѣдовало сличить по всѣмъ отраслямъ управленія прежнія траты съ нынѣшними, упраздня добавленія, не оправданныя приносимою ими пользою; но комиссіи не было дано такого права. Теперь въ этомъ отношеніи можно положиться только на добрую волю мѣстнаго начальства. Главнокомандующій болѣе всѣхъ озабоченъ пріисканіемъ средствъ къ удовлетворенію вышеизложенныхъ главныхъ потребностей края; очевидно, что ему должно быть предоставлено невступное право обращаться на нихъ всю экономію въ расходахъ, которую онъ найдетъ возможнымъ сдѣлать по какимъ бы то ни было отраслямъ управленія, не стѣсняясь общеустановленными формами соответствующихъ вѣдомствъ въ имперіи;

источникъ же этотъ, какъ показано выше, весьма обильный. вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо оградить разъ на всегда приростъ доходовъ края отъ мѣстныхъ вожделѣній, обращая ихъ по неизмѣнному правилу въ государственную казну. Могутъ конечно возникнуть обстоятельства, вынуждающія къ новому расходу по такой случай будетъ тогда исключеніемъ, а не правиломъ, какъ нынѣ. Подобный трудъ былъ бы, конечно, сподручнѣе за-сѣдавшей въ Тифлисѣ комисіи, чѣмъ онъ будетъ главно-начальствующему послѣ вступленія министровъ въ управление своими вѣдомствами на Кавказѣ; но какъ комиссію нельзя созывать снова, то не остается иного способа вывести страну изъ застоя безъ обремененія государственнаго казначейства. Я не стану возвращаться къ другимъ сторонамъ финансоваго управленія, указаннымъ въ запискѣ объ азіятскихъ окраинахъ.

По степени важности, за вопросомъ экономическимъ выступаетъ на первый планъ вопросъ о примѣненіи судебныхъ учреждений на Кавказѣ къ складу населенія, чего не было сдѣлано въ достаточной мѣрѣ при ихъ введеніи туда. Объ этомъ предметѣ прилагается особая записка, а потому достаточно сказать то лишь, что при нынѣшнемъ видѣ суда и судебного слѣдствія на Кавказѣ,—кромѣ глубочайшаго недовольства и высшихъ слоевъ общества и массъ новыми учрежденіями, наложенными на нихъ совершенно внѣшнимъ образомъ, изъ тысячи преступленій, въ томъ числѣ самыхъ тяжкихъ, едва 20 подвергаются карѣ, такъ что край этотъ въ полномъ смыслѣ слова возвращенъ въ естественное состояніе, лишень покровительства закона, что ведетъ къ прогрессивному возрастанію числа преступленій изъ-за необходимой самозащиты. Нѣтъ туземца, который не говорилъ бы открыто, что подъ такими порядками нельзя жить, развѣ только вслѣдствіе принудительной силы штыковъ.

Вышеприведенныя условія безубыточнаго господства и судебного устройства, не подрывающаго общественной безопасности, прилагаются равно ко всякой азіятской окраинѣ. Вслѣдъ за ними считаю себя обязаннымъ выяснить рядъ недоразумѣній самаго важнаго свойства накопившихся собственно въ закавказской окраинѣ. Хотя вопросы эти мѣстные, но значеніе ихъ отъ того не умаляется, такъ какъ весь итогъ русскаго господства и вліянія въ Азіи, отъ Чернаго моря до предѣловъ Китая, основываются на владѣніи Кавказскимъ перешейкомъ, ограждающимъ Кас-

ийское море и лежація за нимъ страны отъ всякого посягательства съ запада. Еслибъ мы были вынуждены какою либо случайностью отступить за Закавказскій хребетъ, то устья нашей Волги подверглись бы той же опасности, кокой подвергаются до сихъ поръ Крымъ и Одесса, Туркестана нельзя было бы удержать, и вся наша южная граница до Китая стала бы границей въ полномъ значеніи слова, потребовала бы крѣпостей и армій для своего огражденія. Покореніе горъ значительно умалило эту возможность, но не упразднило ея вовсе; а потому всякое условіе, укрѣпляющее наше владычество за Кавказомъ, не можетъ не имѣть для имперіи чрезвычайной важности. Главнѣйшее же изъ этихъ условій, проводящее самую рѣзкую грань между шаткостью владычества англичанъ въ Индіи и твердостью нашею въ сопредѣльной Азіи, заключается въ томъ, что мы стоимъ за Кавказомъ какъ бы на своей собственной почвѣ, въ единовѣрной Грузіи, добровольно призавшей насъ. Пока грузины братски стоятъ съ нами, кавказскую армію невозможно выбить, что бы ни случилось, изъ горной страны, населенной такимъ храбрымъ народомъ; а пока мы прочно стоимъ въ Грузіи, никакая мимолетная неудача въ сопредѣльныхъ мусульманскихъ земляхъ не опасна и всегда легко исправима. Съ этой точки зрѣнія легко оцѣнить важность для государства искренней вѣрности грузинъ, а потому и слѣдующихъ вопросовъ:

1) Для того, чтобы твердо стоять въ Грузіи, надо сохранить въ ней грузинъ, какъ племя и какъ общество. Хотя такая забота кажется странной, но въ текущее время она стала заявлять о себѣ. Тысячелѣтія выработали въ Грузіи общественное устройство преимущественно аристократическое; духъ и разумъ этого небольшого народа заключается въ его весьма многочисленномъ дворянствѣ. Еслибъ глубоко преданное престолу грузинское землевладѣльческое сословіе замѣнилось инымъ, чужероднымъ (хоть бы напр. армянами), будущія отношенія всего грузинскаго племени къ Россіи подверглись бы большому сомнѣнію. — Именно эта опасность грозитъ теперь. Грузинскіе дворяне справедливо говорятъ, что они выдержали нашествія всей мусульманской Азіи и не были сбиты съ своихъ земель, но не выдержали братскаго, снисходительнаго и весьма щедраго къ нимъ русскаго правленія, и нынѣ теряютъ подъ собою почву. Выдѣленіе нетитулованнаго дворянства (бывшаго ни чѣмъ инымъ какъ панцырной шляхтой) съ его землями изъ владѣнія кня-

вей, освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, а болѣе всего новый родъ жизни, подорвавшій простоту и дешевизну стариннаго обычая, ввели высшее и низшее дворянство въ тяжкіе долги, неоплатные при нераздѣльности и неразмежеванности земель, состоящихъ во владѣніи родовъ, а не липъ, чѣмъ увѣковѣчивается ихъ малоцѣнность. — Пришло время кризиса. Если предоставить это дѣло естественному теченію, то огромное большинство помѣстій Грузіи перейдетъ очень скоро въ руки мѣстныхъ иноплемennыхъ торгашей и подрядчиковъ, далеко не отличающихся преданностью къ Россіи, и Грузія перестанетъ быть для насъ Грузіей въ политическомъ смыслѣ. Правительство не можетъ допустить подобнаго перемѣщенія въ такой же мѣрѣ, какъ не могло бы допустить захвата иностранцами всего землевладѣнія Московской губерніи. Дѣло идетъ о какихъ-нибудь 3-хъ милліонахъ, вдобавокъ совершенно безнадежныхъ, — именно о сложеніи или разсрочкѣ безъ процентовъ грузинскому дворянству его долга въ Приказѣ, и безъ этой мѣры дѣйствительно нельзя обойтись. Она нужна на одинъ разъ только, какъ временная. Послѣдующія необходимыя мѣропріятія, въ родѣ размежеванія и проч., выведутъ землевладѣніе изъ его нынѣшняго стѣсненнаго положенія.

2) Второй вопросъ, касающійся всей массы грузинскаго населенія, безъ различія сословій, и принимающій въ его сознаніи такую важность, что нельзя не обратить на него особаго вниманія, касается церковнаго устройства. Грузины говорятъ, что связь ихъ съ русскими заключается прямо въ единовѣріи, что въ остальныхъ отошеніяхъ мы имъ чужды, и это правда, что съ упраздненіемъ религіозной связи между двумя племенами не осталось бы никакой. Между тѣмъ явленіе, долго подготавливавшееся и, надо сказать, неизбежное при направленіи, данномъ церковному дѣлу въ Грузіи — отчужденіе народной массы отъ духовенства, сказалось наконецъ въявь. Народъ перестаетъ ходить въ церковь даже въ большіе праздники, и ни въ чемъ не обращается къ священникамъ, говоря, что они ему чужіе, что они не умѣютъ ни толково читать, ни даже хорошо говорить по грузински, а тѣмъ менѣе — блюсти обычаи мѣстной церкви, проникшейся въ теченіе полуторы тысячи лѣтъ самостоятельнаго существованія своимъ своеобразнымъ складомъ, въ которомъ масса всегда видитъ самую сущность вѣры. Я не позволилъ бы себѣ заявлять о такомъ фактѣ, еслибѣ

о немъ не заявляли единогласно первые и преданнѣйшіе люди Грузіи. Недавно еще одна крупная помѣщица, княгиня Багратионъ-Мухранская, истощалась въ усиліяхъ, чтобы уговорить или заставить своихъ бывшихъ родовыхъ крестьянъ ходить въ церковь, но не имѣла успѣха. Тутъ дѣйствуетъ не невѣріе, а напротивъ преданность вѣрѣ,—та же причина, которая оторвала отъ русскаго клира столько милліоновъ старообрядцевъ, но дѣйствуетъ съ гораздо большею энергіею. Конечно, новшества Никона менѣе бросались въ глаза русскому народу, чѣмъ подчиненіе чужой, хотя также православной, но выросшей на иной народной почвѣ церкви, бросается въ глаза народу грузинскому, особенно когда и въ служителяхъ церкви онъ перестаетъ видѣть своихъ людей. Тутъ начинается происходить нѣчто подобное тому, что происходило между болгарами и греками. Со стороны нашихъ іерарховъ стремленіе обрусить грузинское духовенство и замѣнить мѣстные церковные обычаи общерусскими было дѣломъ весьма естественнымъ и съ ихъ стороны благонамѣреннымъ, хотя неполитичнымъ и даже въ строгомъ смыслѣ несоотвѣтствующимъ духу православія; но какъ требовать отъ нашего нынѣшняго клира политическихъ взглядовъ? Дѣло правительства исправить этотъ промахъ, а вопросъ заключается лишь въ средствахъ къ исправленію. Всякій знаетъ, что приказаніе слѣдовать впередъ инымъ путемъ было бы только безсильнымъ словомъ; въ подобномъ дѣлѣ все зависитъ отъ дѣйствующихъ на мѣстѣ личностей, а потому разумнѣйшіе и безпристрастнѣйшіе грузины единодушно желаютъ простѣйшаго исхода—назначенія экзарха изъ грузинскаго духовенства. Надо прибавить, что вся грузія почувствовала себя оскорбленной вызовомъ русскаго епископа изъ Владикавказа для временнаго замѣщенія катедры высокопреосвященнаго Іоаникія, отъѣзжавшаго въ Москву; всѣ приняли этотъ вызовъ за признакъ недовѣрія и пренебреженія къ мѣстной іерархіи. Нѣтъ сомнѣнія какъ въ томъ, что нельзя оставить безъ вниманія, начавшееся церковное броженіе въ Грузіи, такъ и въ томъ, что давно пришла пора отказаться отъ мѣръ недовѣрія, объяснимыхъ развѣ только въ первое время занятія края, и признавъ самостоятельность помѣстной грузинской церкви въ ея народности и въ сложившихся вѣками ея обычаяхъ, не ставить ея болѣе подъ прямую опеку русской іерархіи.

3) Почти столько же какъ въ церковномъ дѣлѣ, грузины.

недовольны постановкою, данною ихъ народности въ дѣлѣ военномъ. Дѣйствительно, всякому бросается въ глаза то явленіе, что мусульманскій Кавказъ вооруженъ поголовно; безоружна одна Грузія, хотя грузины не только единственное преданное Россіи племя, но и несравненно храбрѣйшее изъ всѣхъ кавказскихъ племенъ. Грузія безоружна нынѣ до такой степени, что когда во время послѣдней войны десятки тысячъ дагестанцевъ шли на насъ съ своими винтовками, а татарское населеніе въ Закавказьѣ, также вооруженное, собиралось штурмовать уѣздные города, вѣрные кахетинцы, недавно столь воинственные, едва добыли нѣсколько десятковъ ружей для обороны своихъ домовъ. Такая противоположность выступила еще ярче послѣ минувшей войны, въ теченіе которой все закавказское мусульманство, начавшее было скидать оружіе, снова вооружилось съ головы до ногъ растасканными ружьями пленныхъ турецкихъ войскъ. Въ этомъ отношеніи происходитъ странное недоразумѣніе. Правительство не рѣшалось до сихъ поръ призвать грузинъ къ военной службѣ, чтобы не взволновать ихъ,—они же принимаютъ эту нерѣшительность за знакъ недовѣрія къ нимъ и обижаются ею. Но кромѣ того, въ виду послѣдней войны, въ нихъ заговорило еще чувство самоохраненія; окруженные со всѣхъ сторонъ враждебнымъ и вооруженнымъ мусульманскимъ населеніемъ, грузины не хотятъ подставлять беззащитно шею и сознали необходимость дружно стоять подъ русскимъ знаменемъ противъ общаго врага. Конечно, призывъ грузинъ на службу въ русскіе полки показался бы имъ очень тяжелымъ, но они искренно желаютъ выставять свои дружины въ ряды русской арміи. Я убѣжденъ на основаніи всего видѣннаго и слышаннаго, что никакихъ переходныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи не нужно, что въ военное время двѣ грузинскія губерніи могутъ и желаютъ выставять пропорціонально такое же число бойцовъ, какъ и русское населеніе, т. е. не менѣе 20 баталіоновъ въ полномъ комплектѣ съ резервами; а потому кадры мирнаго времени должны соответствовать такому количеству, обращая при мобилизаціи роту въ баталіонъ.

4) Вообще, послѣ 80 лѣтъ протекшихъ со времени присоединенія Грузіи, правительство должно знать съ кѣмъ имѣетъ тамъ дѣло. Грузины сознательно вѣрны Россіи, хотя любятъ свою народность и не желаютъ мѣнять ее на другую. Разсуждающіе

между ними люди говорятъ открыто, что при иномъ географическомъ положеніи они стояли бы за политическую самобытность, но что миллионному православному населенію, расположенному между Россіей, Турціей и Персіей, нѣтъ выбора, и они соединились съ нами сознательно и навѣчно, съ тѣмъ однакожь, чтобъ оставаться грузинами. Поэтому они жалуются, что на ихъ народное чувство не обращено должнаго вниманія, что языкъ ихъ не преподается въ казенныхъ училищахъ, между тѣмъ какъ армяне ежегодно распложаютъ въ краѣ свои школы; что ихъ іерархія въ загонѣ, что имъ не оказываютъ полнаго довѣрія въ военномъ отношеніи, однимъ словомъ, что ихъ равняютъ съ другими сомнительными въ политическомъ отношеніи населеніями Кавказа. Немогу также умолчать о сѣтованіи самыхъ видныхъ грузинъ на невниманіе, оказанное имъ при учрежденіи послѣдней коммисіи для преобразованія кавказскаго управленія, въ которую не былъ введенъ ни одинъ изъ туземцевъ, занимавшихъ прежде высшія правительственныя должности, хотя дѣло шло ихъ собственной участи. Эти жалобы во многомъ правы; въ сознаніи и мѣрахъ правительства Грузія не выдѣлена до сихъ поръ достаточно опредѣленно изъ остальной закавказской окраины. Можно думать, что у насъ вообще правительственный взглядъ на различныя окраины не сложился еще съ полною отчетливостью, а потому не признана еще покуда та истина, что если полякъ не можетъ быть надежнымъ подданнымъ, оставаясь полякомъ въ душѣ, то напротивъ—для того, чтобъ грузинъ былъ хорошимъ русскимъ подданнымъ онъ долженъ быть сначала хорошимъ грузиномъ.

Изложенныя недоразумѣнія относятся исключительно къ Грузіи, т. е. къ двумъ губерніямъ—Тифлисской и Кутаисской; но разнообразный Кавказъ представляетъ еще другіе, весьма важные для правительства вопросы. Первый изъ нихъ—армянскій.

Хотя армяне вмѣстѣ съ грузинами составляютъ единственныя христіанскія племена въ Азіи, но съ правительственной точки зрѣнія ихъ нельзя смѣшивать и относиться къ нимъ одинаково. Существенная разниа между ними — не въ вѣрѣ. Въ практической жизни отгѣнокъ между тѣми и другими такъ не великъ въ Закавказскомъ краѣ, что очень многіе армяне, особенно женщины, не знаютъ догматическаго различія двухъ исповѣданій и ѣздятъ поклоняться грузинскимъ святынямъ.

Кромѣ того, въ Тифлисъ, составляющемъ общее средоточіе обѣихъ народностей, армяне въ большинствѣ говорятъ между собой по грузински, женщины же ихъ даже не знаютъ своего языка. Глубокое различіе заключается въ племенномъ характерѣ и стремленіяхъ. Армянское племя не воинственное, а торговое (или правильнѣе—умѣющее добывать деньги всякими путями) и изворотливое, а потому число богатыхъ армянъ постоянно растетъ, захватываетъ выгодныя дѣла и вліяетъ своими деньгами на администрацію, между тѣмъ какъ грузины бѣднѣютъ; казенныя школы, кромѣ заводимыхъ ими на собственные деньги, переполняются армянскими подростками, не столько для ученія, сколько для диплома, которымъ можно потомъ съ выгодною воспользоваться. Съ другой стороны, армянская народность не ограничивается русскими предѣлами, какъ грузинская; она распространяется въ Турціи до Средиземнаго моря, вслѣдствіе чего армяне считаютъ себя многочисленнымъ народомъ, а нѣкоторымъ изъ нихъ это даетъ даже поводъ къ мечтаніямъ о политической самобытности. Я видѣлъ (не теперь, а прежде) карту будущаго армянскаго царства, напечатанную въ Константинополѣ на фуляровыхъ платкахъ, включавшую въ себѣ Астрахань и Крымъ. Понятно, что эти армянскія мечтанія, даже въ самомъ скромномъ размѣрѣ, ни что иное, какъ бредъ; нѣтъ мѣстности въ свѣтѣ, гдѣ армянское населеніе составляло бы болѣе трети и могло бы, при своей невоинственности, повелѣвать $\frac{2}{3}$ -ми мусульманъ иначе, какъ опираясь на русскіе штыки. Простой народъ конечно чуждъ этой затѣи,—и армянскій сепаратизмъ, какъ политическое направленіе, неосуществимъ, даже при поддержкѣ извнѣ, и поэтому не опасенъ, не можетъ выразиться никакимъ фактомъ, но какъ личное чувство онъ сбиваетъ многихъ, внушаетъ имъ настроеніе нежелательное въ русскихъ подданныхъ, и можетъ при случаѣ послужить орудіемъ, враждебныхъ Россіи, иностранныхъ интригъ; поэтому правительство не должно относиться къ такому дѣлу безучастно. Между кавказскими интеллигентными армянами образовались въ текущее время двѣ партіи: такъ-называемая «либеральная», полагающая будущность армянскаго племени въ прочномъ единеніи съ Россією, проповѣдующая поэтому вѣрность общему отечеству; вторая партія исповѣдуетъ въ тайнѣ «сепаратизмъ», самостоятельную будущность племени. На эти двѣ партіи обращены теперь глаза

всего, разсѣяннаго по свѣту, армянства, и хотя въ сущности онѣ не болѣе какъ литературныя кружки, но отъ преобладанія той или другой зависитъ конечно въ извѣстной степени духъ, въ которомъ воспитывается молодое поколѣніе. Первая группа, казалось бы, намъ сподручнѣе; но по привычному складу нашей администраціи, она мало объ этомъ знаетъ (по крайней мѣрѣ недавно еще не знала); ее смущаетъ названіе «либеральной партіи», и если оказывалось до сихъ поръ какое-либо (въ сущности почти безсознательное) давленіе русской власти на обѣ стороны, то оно было скорѣе въ пользу второй. Напримѣръ, органамъ обѣихъ партій приходится по необходимости обсуждать армянскія дѣла въ Турціи, причемъ «либералы» старательно выказываютъ плачевное положеніе своихъ собратій за границей сравнительно съ нашими; турецкіе армяне, тѣ, которые лежатъ сердцемъ болѣе къ сепаратистической тенденціи, подстрекають Порту жаловаться на оскорбленіе, а наше министерство иностранныхъ дѣлъ требуетъ укрощенія «либеральной» армянской печати. Очевидно, что министерство тутъ ни при чемъ; откуда ему знать эти мѣстные дрязги, если кавказская администрація молчитъ о нихъ? Армянскія газеты не даромъ занимаются Турціей; тамъ происходятъ теперь событія глубоко ихъ смущающія—обращеніе ихъ соотечественниковъ въ большомъ числѣ въ протестантство американскою пропагандой, состоящую подъ покровительствомъ Англіи и Порты, вмѣстѣ съ политической интригой шейха Обейдуллы *), порывающаго народное единеніе армянъ съ курдами. По моему мнѣнію, всѣ явленія эти въ сущности намъ неопасны: обращенныхъ армянъ нивѣгда не будетъ много, братство ихъ и всѣхъ прочихъ съ курдами окажется не инымъ чѣмъ, какъ союзомъ волкоръ съ барашками, а въ отдаленныхъ турецкихъ областяхъ всякое христіанское населеніе, какого исповѣданія оно бы ни держалось, никогда не будетъ ограждено своими покровителями отъ ноша созѣдей-мусульманъ и потому всегда встрѣтитъ насъ какъ освободителей. Вообще же, по отношенію къ этимъ стремленіямъ и этимъ партіямъ, все зависитъ отъ разумнаго, сознательнаго дѣйствія мѣстной власти. Для этого нужно только, чтобъ главный начальникъ края взялъ присмотръ

*) Теперь уже умершаго. Ред.

на себя или возложилъ его на довѣренныхъ людей, а не на закавказскую администрацію, руководствующуюся соображеніями совсѣмъ иного свойства.

Въ общемъ итогѣ естественное отношеніе правительства къ кавказскимъ народностямъ опредѣляется самою сущностью дѣла. Грузины составляютъ цѣльный народъ, и правительство, для самого себя, должно смотрѣть на нихъ какъ на народъ, не смѣшивать ихъ безразлично подъ общими формами управленія съ прочими кавказскими населеніями, уважать ихъ историческую гордость и преданія.—Армяне конечно многочисленны, но они не иное что, какъ торговое сословіе Закавказья, или же отдѣльные клочки, разбросанные по краю, люди способные и трудолюбивые, которыхъ слѣдуетъ поощрять въ ихъ родѣ занятій, не стѣсня притомъ нисколько ихъ весьма понятнаго племеннаго самолюбія, но предохраняя ихъ отъ увлеченій, которыя бы могли завести ихъ къ собственной ихъ бѣдѣ за предѣлы, указанные невозвратной исторіей. На направленіе же ихъ школъ можно всегда воздѣйствовать благотворно чрезъ верхній слой армянскаго городского населенія.

Управленіе многочисленнымъ мусульманскимъ населеніемъ, составляющимъ $\frac{2}{3}$ общего населенія Закавказскаго края, не устроено, а только разстроено полувѣковыми преобразованиями (начиная съ преобразованія барона Гана), основанными не на пониманіи людей и страны, для которыхъ они назначались, и не на общихъ государственныхъ интересахъ, а на личномъ соображеніи ихъ составителей о наилучшей администраціи—на бумагѣ. Зрѣлыя начинанія государственныхъ людей, каковы были князь Воронцовъ и князь Барятинскій, введенныя въ жизнь, но не довершенныя даже на половину, только еще болѣе спутали ее. Не касаясь общаго положенія дѣлъ, разъясненнаго въ другихъ запискахъ, считаю себя обязаннымъ высказаться о самомъ крупномъ начинаніи, обратившемся теперь уже въ бесполезную и обременительную развалину—о созданіи мусульманскаго землевладѣльческаго дворянства. Не могу сказать положительно, какою цѣлью задавался при этомъ начинаніи князь Воронцовъ, хотя цѣль сквозить сама собою; но князь Барятинскій смотрѣлъ на него какъ на средство обрушить край въ его высшемъ сословіи, средство исторически уже оправданное въ предѣлахъ, бывшихъ мусульманскихъ царствъ казанскаго и астраханскаго, а потому энергически поддержи-

валъ виды своего предшественника. Нынѣ цѣль забыта и дѣло представляется въ такомъ положеніи: народныя массы, лишившіяся половины своихъ земель и, разумѣется, притоптанныя беками, оттолкнуты отъ правительства; новосозданное дворянство, ничѣмъ не обязанное и никѣмъ неруководимое, не только не доставляетъ опоры русской власти, но стало очагомъ мусульманской нетерпимости и вожакомъ всѣхъ беспорядковъ въ странѣ; а вдобавокъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, намъ же пришлось выкупать у бековъ угоды пожалованныхъ имъ крестьянъ. Можно и конечно лучше было бы для насъ управлять мусульманскимъ Закавказьемъ, какъ чисто азіятскою окраиною, думать прежде всего о безубыточности своего владѣнія и объ упроченіи хорошаго полицейскаго порядка въ странѣ, не задаваясь мыслию о сращеніи ея съ государствомъ и не вводя въ нее обще-русскихъ формъ администраціи; но когда разъ это было сдѣлано, то государственнымъ людямъ, поставляемымъ во главѣ края, приходится по необходимости идти впередъ, а не назадъ, подумать о созданіи туземной силы, скрѣпляющей эти области съ имперіей, замѣняющей отчасти штыковую охрану, безъ чего они остались бы навсегда бременемъ для Россіи. Неоконченное начинаніе только умалило доходы и усложнило положеніе, а потому было бы совсѣмъ безрасчетно остановиться на полупути, увѣковѣчивая путаницу. При невозможности возвратить народу отобранныя у него земли, остается только идти къ предначертанной цѣли и обрусить татарское землевладѣльческое сословіе. Во всякомъ случаѣ, обрусеніе, т. е. воспитаніе въ русскомъ языкѣ, русскихъ обычаяхъ и русской службѣ, само собою положить непреходимую грань между этимъ сословіемъ и сопредѣльными мусульманскими народами, сдѣлаетъ его незамѣтно орудіемъ нашей власти въ краѣ. Первымъ шагомъ къ тому должна быть непременно обязательная военная служба для бекскаго сословія, служба и отдѣльными конно-иррегулярными сотнями, замѣняющими нынѣшнюю земскую стражу, и въ русскихъ полкахъ, откуда ихъ можно выпускать юнкерами, а лучшихъ—офицерами въ милицію; вмѣстѣ съ тѣмъ дать имъ русскія школы; также обязательныя для каждаго подростка, съ единственною цѣлію—выучить ихъ по русски, устраивая притомъ, всякія выпрениія требованія, которыя только станутъ поперекъ цѣли. Нужно назначить срокъ, въ теченіи котораго каждый подростокъ, неудовлетворившій

этимъ двумя требованіямъ, утратить право на наслѣдіе, недавно пожалованнаго имѣнія. Беки и агалары отлично сознаютъ, что они обязаны своимъ новымъ положеніемъ исключительно милости правительства, въ ихъ глазахъ даже необъяснимой, и смиренно покоряться новому закону. Впослѣдствіи придетъ время и для другихъ мѣръ, но безъ этихъ двухъ первоначальныхъ ничего нельзя предпринять; безъ нихъ мы останемся среди путаницы, созданной нашими же руками.

Изложенныя въ запискѣ дѣла, указываемыя самою сущностью дѣла, требуютъ конечно приспособленной къ нимъ системы народнаго воспитанія. До сихъ поръ система эта была столь же произвольной, какъ и прочія административныя попытки на Кавказѣ, вводимыя безъ всякаго отношенія къ средствамъ и потребностямъ населенія. Для человѣка сознательно знакомаго со страной, расположенныя въ Грузіи, а особенно въ мусульманскихъ областяхъ, классическія и реальныя гимназіи, стоящія сравнительно гораздо большихъ суммъ, чѣмъ сколько ихъ даютъ на воспитаніе русскаго кореннаго народа, представляютъ не пособіе, а тормазъ къ желательному развитію учащихся. Смѣшеніе Тита Ливія, читаемаго въ школахъ, съ Кораномъ и Гафизомъ, читаемыми дома, приведетъ въ хаосъ самую благоустроенную голову, хотя можетъ доставить при удачѣ гимназическій дипломъ для поступленія на службу въ интендантское вѣдомство, но никакъ не дастъ въ результатѣ обрусѣвшаго, даже умѣющаго порядочно говорить по русски человѣка, какъ подтверждается ежедневнымъ опытомъ. Кавказская администрація напрасно сваливаетъ вину въ этомъ отношеніи на министерство просвѣщенія, которое было право, утверждая что гимназія должна быть гимназіей по установленному плану; администрація виновата въ томъ, что требовала гимназій, а не школъ совсѣмъ иного рода, указываемыхъ потребностью. Наплывъ молодежи (преимущественно армянской) въ закавказскія гимназіи, на который также ссылаются, доказываетъ своимъ результатомъ, что тутъ идетъ для нея дѣло вовсе не объ образованіи. Но какъ бы ни было велико число желающихъ отдавать дѣтей въ школу и какими бы побужденіями они не руководились, когда государство дѣлаетъ затраты на азіатскую окраину, какова кавказская, стоящую ему 28 милліоновъ ежегоднаго дефицита, то оно должно удовлетворять прежде всего своимъ государственнымъ потребностямъ. Разно-

племенный Кавказъ не можетъ быть подведенъ подъ одну систему въ отношеніи воспитанія, какъ и въ прочемъ; примѣчаніе ея необходимо должно разнообразиться по его составнымъ частямъ, столь глубоко между собою несходнымъ. При этомъ слѣдуетъ конечно держать открытымъ доступъ и къ высшему образованію, но въ размѣрѣ, соответствующемъ дѣйствительной потребности — для дѣтей русскихъ служащихъ и немногихъ относительно туземцевъ, имѣющихъ средства и желаніе дать дѣтямъ университетское образованіе на собственный счетъ; для такой цѣли достаточны одна классическая и одна реальная гимназія на весь край, въ Тифлисѣ. Собственно же государственныя потребности требуютъ совсѣмъ иного: въ Грузіи — кадетскихъ корпусовъ, въ мусульманскихъ областяхъ — первоначальныхъ русскихъ школъ, но такихъ, которыя дѣйствительно выучивали бы по русски. Многочисленное грузинское дворянство представляетъ неистощимый разсадникъ образцовыхъ офицеровъ, въ которыхъ оказывается такой недочетъ, что ихъ давно уже стали выдѣлывать изъ писарей и фельдшеровъ; а при постоянно растущемъ обѣдненіи этого дворянства служба дастъ ему великое подспорье; въ мусульманскомъ краѣ русскія школы, полезныя для всѣхъ, необходимы для постепеннаго воспитанія новосозданнаго бекскаго сословія. Если къ этимъ заведеніямъ присовокупить еще нѣсколько первоначальныхъ техническихъ училищъ по важнѣйшимъ для края отраслямъ промышленности и сельскаго хозяйства, то дѣйствительныя потребности его, совпадающія съ правительственными потребностями, будутъ вполне удовлетворены.

По учебной части также какъ по всѣмъ прочимъ, замѣщеніе несоотвѣствующихъ своей цѣли учрежденій правильною системою не можетъ обойтись безъ ломки; нельзя создать на доходы края ни кадетскихъ корпусовъ въ Грузіи, ни хорошихъ русскихъ школъ въ мусульманскомъ краѣ, сохраняя неприкосновеннымъ расходъ на гимназіи посреди курдскихъ кочевій у подошвы Арарата, — пришлось бы добавлять русскія деньги на поддержаніе подобныхъ затѣй. Въ такомъ же положеніи находятся и многія другія стороны управленія на Кавказѣ.

Опытъ показываетъ, что единственная форма управленія, вполне удавшаяся на Кавказѣ и вполне соответствующая какъ правительственнымъ, такъ и народнымъ потребностямъ азіатской страны, есть управленіе военно-народное, выработанное

фельдмаршаломъ княземъ Барятинскимъ. Нынѣ было бы уже слишкомъ трудно его распространить на области, подчиненныя съ давнихъ поръ гражданской администраціи,—это повело бы къ слишкомъ крупному перевороту; но желательно сохранить его вездѣ, гдѣ оно существуетъ, и ввести всюду, гдѣ къ тому не оказывается положительныхъ препятствій. Если военное управленіе не могло предупредить въ 1877 г. возстанія дагестанцевъ, поголовно вооруженныхъ и полныхъ воспоминаніями полувѣковой борьбы противъ русскаго владычества, то оно доставляетъ постоянно полный порядокъ и полную безопасность краю, въ отличіе отъ управленія гражданского; замѣщеніе его въ Терской области губернскою администраціею немедленно отозвалось неуправляемостью области, хаотическимъ состояніемъ, въ которомъ она теперь находится. Единственный недостатокъ военно-народнаго управленія въ нынѣшнемъ его видѣ заключается въ дороговизнѣ; но дороговизна вовсе не составляетъ его существеннаго свойства какъ въ бюрократической гражданской администраціи, составъ которой не можетъ быть значительно сокращенъ безъ разрыва внутренней связи; излишняя стоимость военнаго управленія произошла изъ несоразмѣрно высокихъ содержаній, на которыя не скупились при первоначальномъ покореніи горъ, и изъ ненужныхъ добавленій, совершенныхъ впослѣдствіи—явленіе естественное тамъ, гдѣ мѣстное начальство не обязано отдавать въ казну прироста доходовъ. Эта форма управленія можетъ быть удешевлена на половину, не теряя своихъ существенныхъ качествъ, и въ такомъ случаѣ окажется очевидно наилучшимъ образомъ владѣнія во вновь присоединяемыхъ азіатскихъ областяхъ, постоянно прирастающихъ къ намъ съ каждой войной, по обѣимъ сторонамъ Каспійскаго моря, начиная съ Карской, Батумской и Закаспійской. Вопросъ этотъ чрезвычайно важный. Русская имперія не можетъ намѣтить произвольнаго предѣла своему распространенію въ Азіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ не установила до сихъ поръ подходящей формы управленія азіатскими владѣніями, такой формы, которая не отталкивала бы отъ нея населеній и не обращала новыя прибрѣтенія въ бремя для государства. Насколько можно судить о столь обширномъ дѣлѣ по опыту въ малыхъ размѣрахъ, форма эта вѣроятно найдена, хотя бы только въ первоначальномъ видѣ, въ военно-народномъ управленіи. Съ постепеннымъ развитіемъ окраинъ ничто не мѣшаетъ присоединять къ ней

обще-государственныя учрежденія—правильные суды и проч., но въ размѣрѣ не превышающемъ потребности ограниченнаго слоя обрусѣвшаго населенія, для котораго они будутъ создаваться. Хорошо устроить этотъ слой не мудрено; трудно справляться съ азіятскою толпою, пралить ея безубыточно и замѣнить на отдаленныхъ окраинахъ личные взгляды правителей, установленною системою. Цѣли эти осуществляются формою военно-народнаго управленія лучше всякой иной, а потому было бы желательно немедленно примѣнить ее ко вновь присоединеннымъ областямъ вмѣсто гражданскаго управленія, непривычная обрядность котораго, видимо уже стала отравлять отношеніе новыхъ подданныхъ къ государству.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ

НА ВОСТОЧНОМЪ КАВКАЗѢ.

Къ 1-му январю обѣ колонны сошлись на Бассѣ и двинулись вмѣстѣ вверхъ по рѣкѣ къ Таузеню, оставляя по своимъ слѣдамъ разграбленную и очищенную отъ лѣса дорогу. *)

Сбивъ шамиловскія скопища съ сильно укрѣпленной Таузенской позиціи, генераль Евдокимовъ оставилъ русло Баева, служившее до тѣхъ поръ операціонною линіею отряду и поднялся на горы, по направленію къ аулу Алистанжи, вырубая лѣсъ на пути, каждымъ дальнѣйшимъ шагомъ въ горы мѣстность становилась непроходимѣе и искусственныя препятствія, устроенныя горами многочисленнѣе. Для выигрыша времени, ген. Евдокимовъ предпочелъ пробиться разомъ отъ Алистанжи до Веденя и потомъ, укрѣпившись передъ этою столницей непокорныхъ горъ, разрабатывать дорогу въ тылъ, до

*) Туземное чеченское населеніе постоянно старалось уклоняться отъ боя и покорялось какъ только его жилища были обойдены нашими войсками; въ послѣднихъ числахъ декабря, около 500 ичикеринскихъ семействъ было выселено на плоскость. Тавлинскія скопища, не надѣясь на туземцевъ, держались преимущественно въ крѣпкихъ, напередъ избранныхъ позиціяхъ, что весьма много облегчало наше отступленіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

17-го февраля.

Съ присоединеніемъ къ владѣніямъ Россіи туркменскаго Мерва, вопросъ объ установленіи правильнаго, твердаго и разумнаго отношенія къ нашимъ окраинамъ получаетъ первостепенное значеніе, требуя безотлагательнаго рѣшенія. Слѣдовать

старымъ, натореннымъ путемъ, усѣяннымъ недоразумѣніями, увлеченіями и заблужденіями, стойшими коренному населенію имперіи непомерно великихъ жертвъ, конечно, нельзя, — что, впрочемъ, вполне сознано самимъ правительствомъ. При назначеніи генерала Скобелева начальникомъ ахаль-текинской экспедиціи, бывший военный министръ, графъ Д. А. Милютинъ, предлагалъ ему *„избѣгать вводить наше управленіе“* въ Закаспійскомъ краѣ. Съ своей стороны, скажемъ что въ справедливости этого указанія еще болѣе убѣждаетъ отрицательный по результатамъ опыта, вытекающій изъ всего историческаго прошлаго Кавказа, доказавшій полную несостоятельность политическихъ системъ, требующихъ для выполненія ихъ на дѣлѣ или искусственнаго созданія среди подвластныхъ народностей вліятельныхъ и, въ то-же время, преданныхъ Россіи элементовъ, или-же организаціи многочисленной администраціи, вмѣшивающейся, до самыхъ мелочей, въ политическую и бытовую жизнь управляемаго населенія.

Какъ-бы, въ облегченіе правильнаго разрѣшенія столь важнаго вопроса, появилась въ печати любопытная во многихъ отношеніяхъ *„записка генерала Фадѣева объ азіат-*

свихъ окраинахъ". Умно, толково и убѣдительно доказываетъ онъ, что „увѣковѣченіе такого положенія дѣлъ, при которомъ азіатскія владѣнія составляютъ бремя для Россіи, не можетъ быть обращено въ систему и если-бы, даже, подобное бремя было признано выносимымъ въ его настоящемъ видѣ, то очень скоро оно станетъ совершенно непосильнымъ". Ошибочность дѣйствовавшей „системы" обуславливалась уже самымъ опредѣленіемъ задачи Россіи въ Азіи, заключающейся, согласно долго и упорно державшемуся въ правительственныхъ сферахъ мнѣнію, въ широко-просвѣтительной миссіи. Указаніе на нее, по словамъ генерала Фадѣева, „до сихъ поръ служитъ удобнымъ поводомъ для нещадной растраты трудовыхъ денегъ русскаго народа" — къ сожалѣнію, вполнѣ бесполезной, въ силу глубокаго различія между христіанскимъ и мусульманскимъ міромъ. Оспаривать этого, мы, конечно, не будемъ, полагая, вмѣстѣ съ тѣмъ, что каждое благое и великодушное начинаніе должно имѣть въ основаніи хотя-бы приблизительно вѣрный и дальновидный расчетъ требуемыхъ для его выполненія силъ и средствъ, — которыя повсюду и, тѣмъ болѣе, въ Россіи, съ ея ширью и разносторонностью ближайшихъ интересовъ и нуждъ, имѣютъ свои предѣлы. „Англичане, болѣе столѣтія владѣющіе Индіей, — объясняетъ генераль Фадѣевъ, — откровенно сознаются въ своемъ безсиліи въ этомъ отношеніи, несмотря на чрезвычайныя средства ихъ миссіонерскихъ обществъ и на громадную силу притяженія ихъ торговли. Наше-же просвѣтительное орудіе въ Азіи заключается въ чиновникахъ V и XIV клас." А, между тѣмъ, даже при столь ограниченномъ просвѣтительномъ опытѣ потребовалась на Кавказѣ ежегодная приплата въ тридцать милліоновъ

рублей, не говоря уже объ экстренных расходахъ (усмиреніе послѣдняго мятежа обошлось въ 138 милліоновъ).

25

Однако, общіе выводы генерала Фадѣева недостаточно ясно мотивированы въ его запискѣ.

Касаясь системы князя Воронцова и князя Барятинскаго, генералу Фадѣеву слѣдовало прямо признать, что она-то и породила тѣ безотрадные результаты, съ которыми приходится считаться нынѣ. Князь Воронцовъ, не признававшій, по объясненію генерала Фадѣева, „возможности улучшенія чего-либо посредствомъ распоряженій административныхъ агентовъ и формальностей и экономіи въ государственныхъ расходахъ, думалъ закрѣпить за Россіей ея азіатскую окраину возвышеніемъ мѣстнаго дворянства, которому онъ не только покровительствовалъ въ Грузіи, но которое создавалъ въ мусульманскихъ областяхъ въ лицѣ бековъ и агаларовъ. Онъ руководился мыслью, что мы не можемъ воздѣйствовать на мусульманскую массу, но можемъ привязать къ себѣ прямымъ интересомъ и современемъ обрушить высшее сословіе, располагающее этою массою, — замѣнить имъ штыки, держащіе страну въ повиновеніи“. Эта система, оставлявшая въ совершенномъ пренебреженіи интересы народныхъ массъ и, къ тому-же, весьма воинственныхъ, гораздо менѣе покорныхъ, чѣмъ поработанныхъ, отданныхъ въ полный произволъ избраннымъ лицамъ и сословіямъ, не только имѣвшимъ какія-либо выработанныя историческою жизнью права, но также и созданнымъ чисто-искусственно, вопреки всему политическому и бытовому строю мусульманскаго міра, привела къ тому, что „штыки“ понадобились въ удвоенномъ и утроенномъ количествѣ, единственно уже

ради охраненія и поддержанія покровительствуемыхъ группъ. Непосредственнымъ и естественнымъ затымъ слѣдствіемъ явилась организація сложной администраціи, продолжавшей, въ сущности, служить, исключительно, интересамъ тѣхъ - же группъ. Принимая, затымъ, во вниманіе степень умственного и правственнаго ихъ развитія, легко понять, какая незавидная роль выпала на долю Россіи. Что-же касается просвѣтительныхъ задачъ, то они выразились наглядно только въ развившейся раззорительной роскоши среди поощряемыхъ группъ, — а это, разумѣется, тяжело отозвалось на подчиненныхъ имъ массахъ, — и затымъ, изданіемъ дѣйствительно благотѣльныхъ въ предначертаніяхъ указовъ объ экономическомъ устройствѣ сельскихъ сословій, — въ прискорбію, совершенно искаженныхъ въ самомъ ихъ исполненіи. Если мы упомянемъ о такихъ слѣдствіяхъ, созданныхъ практиковавшимися на Кавказѣ „системами“, какъ экспериментальное установленіе принципа поземельной собственности тамъ, гдѣ вѣками сложилось понятіе о правѣ пользованія казенною, *государственной землею*; превращеніе ханскихъ нукеровъ (прислуги — конюховъ, пастуховъ, палачей и проч.) и представителей разбойничьяго элемента въ великопомѣстныхъ „дворянъ“, захватывающихъ, затымъ, въ собственность десятки и сотни квадратныхъ верстъ, съ обращеніемъ ихъ въ пустыни, усѣяныя развалинами, свидѣтельствующими иногда о бывшей здѣсь еще вчера, сравнительно, высокой культурѣ; устройство лишеннаго и тѣни самостоятельности сельскаго самоуправленія, способность къ которому мусульманскаго населенія удостовѣряетъ хорошо знавшій его генералъ Фадѣевъ; установленіе суда, „мѣ-

шающаго, по отзыву генерала Фаддеева, разумному управленію“ и, прибавимъ, совершенно чуждаго населенію, среди котораго онъ бездѣйствуетъ; расположеніе недоброкачественной и вполнѣ зависимой отъ мѣстныхъ воротилъ низшей администраціи, состоящей, по выраженію генерала Фаддеева, изъ „оборвышей“. Всего этого, кажется, достаточно, чтобы понять, насколько сильно и глубоко было потрясено и политическое, и бытовое, и экономическое бытіе народныхъ массъ Кавказа, что и должно было, очевидно, создать ту безурядицу, которая исключаетъ возможность пользоваться спокойною жизнью при честномъ трудѣ.

И, однако, генералъ Фаддеевъ не пашель, не сказалъ послѣдняго слова. Мало того, онъ не отрѣшился отъ злополучнаго стремленія устраивать среди подвластныхъ народовъ союзы. Онъ дѣлаетъ даже попытку найти „союзниковъ“ среди азіатскихъ племенъ, усматривая ихъ, за отсутствіемъ родовой, въ „денежной аристократіи“, которую, по его словамъ, „можно заинтересовать въ нашу пользу“. Чѣмъ и какъ?—онъ не объясняетъ. Полагая, что единственнымъ и удовлетворительнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить установленіе порядка и законности и развитіе благосостоянія населенія. Достигнуть же этого возможно лишь тогда, если всякая мысль о союзахъ съ какой-либо частью населенія, при несправедливомъ отношеніи къ прочимъ элементамъ, будетъ разъ навсегда выброшена за бортъ въ области политическихъ отношеній Россіи къ подвластнымъ ей народамъ. Взамѣнъ же этихъ, компрометирующихъ самое достоинство русской власти, союзовъ, должна быть поставлена на первое и подобающее ей мѣсто та задача, ко-

торая ясно была намѣчена въ заключительныхъ словахъ графа Д. А. Милютина къ генералу Скобелеву: „Наилучшимъ результатомъ за потраченные миллионы явятся миръ и развитіе торговли“.

Пора, наконецъ, понять, что Азія рвется въ объятія Россіи, въ чаяніи отъ нея умиротворяющей роли. Тлѣются внутренними раздорами, азіатскіе народы не въ силахъ справиться съ ними и покорно склоняются передъ Россіей, уповая, что передъ русскою силою должны смириться и приникнуть всѣ, нарушающіе правильное и спокойное теченіе ихъ бытовой и экономической жизни, элементы. Покровительство этимъ послѣднимъ и было роковой ошибкой, сдѣланной почти съ самаго возникновенія русскаго управленія на Кавказѣ и стоившей Россіи жертвъ.

Нынѣ отдалась Россіи, съ тою-же надеждою найти въ ней защитницу и умиротворительницу, еще одна азіатская народность. По существу ея желаній, все, что отъ насъ требуется, заключается въ слѣдующемъ:

1) защита отъ внѣшнихъ враговъ. Для этого достаточно одного имени Россіи и дипломатическаго воздѣйствія. Если-же понадобятся небольшой гарнизонъ внутри страны и, быть можетъ, нѣкоторыя экспедиціи для вразумленія сосѣднихъ кочевыхъ племенъ, то никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и то, и другое послужать ко благу туземнаго населенія, которое, поэтому, и должно нести на себѣ соотвѣтственные расходы. Великодушіе здѣсь неумѣстно, такъ какъ оно совершалось-бы на счетъ кореннаго населенія, которое не въ силахъ-же, наконецъ, расплачиваться за всѣ свои окраины, и, затѣмъ, устраняло-бы необходимость заботиться самому туземному населенію о добрыхъ отношеніяхъ съ своими сосѣдями;

2) умиротвореніе внутреннихъ раздоровъ—для чего, избѣгая даже призрака „управленія“ и всякаго вмѣшательства, не вызваннаго просьбами о немъ самаго населенія, можно было-бы установить особыхъ комиссаровъ, обезпечивъ ихъ, разумѣется, изъ средствъ страны, соотвѣтствующимъ важности ихъ поста содержаніемъ. Эти лица должны неотступно преслѣдовать миротворныя цѣли, руководясь лишь идеей справедливости;

3) развитіе экономической жизни. На это надо направить все усилія и заботы, имѣя въ виду, что подъемъ благосостоянія въ краѣ во всехъ отношеніяхъ выгодно отразится на русскихъ интересахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всего лучше и крѣпче привяжетъ къ Россіи все его населеніе.

Если все нами изложенное имѣется въ виду, хотя-бы по отношенію къ Мерву, то, конечно, можно только радоваться включенію его во владѣнія Россійской имперіи. Съ установленіемъ-же такого же взгляда и тѣхъ-же отношеній во *всѣхъ* окраинахъ Россіи—она явилась-бы, наконецъ, той мощной, богатой, чтимой и грозной для посягающей на нее враговъ, Россіей, какою быть ей надлежитъ.

Новое время 1884.
№ 2872.

По поводу мыслей Фадѣева объ азіятскихъ
окраинахъ.

Въ послѣднихъ нумерахъ газеты „Русь“ напечатано нѣсколько записокъ покойнаго генерала Фадѣева о нашихъ азіятскихъ окраинахъ, въ которыхъ Фадѣевъ преимущественно разсуждаетъ о Кавказѣ, какъ краѣ болѣе ему извѣстномъ, чѣмъ Туркестанъ. Редакція „Руси“ въ примѣчаніи къ печатаемой ею запискѣ, отзывается о ней, какъ о „замѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ, блестящей умомъ и талантливостью изложенія“. Намъ кажется, что приводимые эпитеты слѣдовало бы привести въ обратномъ порядкѣ и сказать, что записка покойнаго отличается наиболѣе талантливостью изложенія, и что какъ на солнцѣ не мало есть пятенъ, такъ и среди многихъ вѣрныхъ и оригинальныхъ мыслей записки находится немало недодуманнаго. Замѣтимъ, что таковъ общій характеръ произведеній генерала Фадѣева, извѣстнаго автора „Писемъ о современномъ положеніи Россіи“, брошюры „Чѣмъ намъ быть?“ и „Вооруженныхъ силъ Россіи“. Въ 1882 году, отрывъ отчаянную пальбу изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ по военно-окружной системѣ, онъ многихъ озадачилъ, ослѣпилъ и поразилъ количествомъ своихъ боевыхъ припасовъ, по своей системы все-таки не создалъ и планы его лежатъ теперь въ портфель неоконченнаго (d'inachevé), какъ говорилъ блаженной памяти Кузьма Прутковъ.

Внимательно вглядываясь въ его посмертныя записки, приходишь къ убѣжденію, что авторъ судить о Востокѣ болѣе поверхностно, чѣмъ о другихъ трактуемыхъ имъ предметахъ, но что издѣсь не мало можно найти свѣтлыхъ идей и проектовъ. Въ нихъ не встрѣчаешь, въ цѣломъ, опредѣленнаго, собственнаго твердаго взгляда и многое написано подъ первымъ впечатлѣніемъ, и быть можетъ подъ вліяніемъ того или другаго кавказскаго друга, въ пріятельской бе-

сѣдѣ за „пѣною сладкихъ винъ, которо-
рыя на узорныя шальвары сонный льетъ
грузинъ“. Въ общемъ, записки о Кавказѣ
подтверждаютъ еще разъ, что генераль
Фадѣевъ, подобно многимъ даровитымъ
россиянамъ, былъ большой мастеръ отри-
цать и критиковать, а кромѣ того обла-
далъ счастливою способностью выражать
блестящимъ литературнымъ языкомъ мы-
сли своихъ высокопоставленныхъ друзей.
Въ первыхъ двухъ запискахъ гово-
рится о пѣлесообразной системѣ
управленія азійскими странами, ко-
торая, сообразуясь съ общими интере-
сами имперіи, политическими, военны-
ми и промышленными, въ то же вре-
мя избавила бы нашу казну отъ тяжо-
лыхъ и постоянныхъ убытковъ, которые
мы несемъ въ этихъ провинціяхъ. Хотя
Закавказскій край занятъ уже болѣе 80
лѣтъ, а Средняя Азія болѣе 20-ти, тѣмъ
не менѣе, по мнѣнію автора, вопросъ
о разрѣшеніи отношенія государства
къ окраинамъ остается нѣ нераз-
рѣшенномъ видѣ. (*Примѣчаніе.* Не
слѣдуетъ забывать, что записка Фадѣева
написана болѣе года, а можетъ и болѣе
тому назадъ, передъ послѣдними рефор-
мами на Кавказѣ).

Между тѣмъ, „можно предвидѣть, го-
воритъ авторъ, что со временемъ многія
еще страны и многіе милліоны азійска-
го населенія будутъ подчинены русско-
му господству. Это судьба всякаго евро-
пейскаго владычества въ Азіи... Если
англичане, голландцы и французы, по-
павшіе въ Азію и Африку случайно, до-
рожащіе своими заморскими владѣніями
исключительно изъ-за денежныхъ вы-
годъ, не могутъ избѣжать необходимости
невольнаго разростанія, то возможно ли
это для Россіи, вдвинутой географиче-
ски въ азійскій материкъ, соприкасаю-
щейся съ его населеніемъ непосредствен-
но, на протяженіи многихъ тысячъ
верстъ? Поэтому пожертвованія, т. е.
расходы государства на новые края, снос-
ныя въ ограниченныхъ предѣлахъ, ста-
нутъ непосильными, когда они періоди-
чески будутъ возрастать. Малая платеж-
ная способность азійскаго населенія,
вслѣдствіе низкаго экономическаго поло-
женія всякой азійской страны въ срав-
неніи съ европейской, приводитъ автора

къ выводу, что страны эти не могут пользоваться сложными и дорогими формами управленія, выработанными въ Европѣ. Такъ, напримѣръ: „Англійскій подданный платитъ въ Европѣ прямыхъ и косвенныхъ податей 90 франковъ, въ Индіи—не свыше $7\frac{1}{2}$. Голландецъ платитъ болѣе 70 франковъ, голландскій малаецъ $5\frac{1}{2}$. То же самое явленіе буквально повторяется и у насъ. Изъ отчета покойнаго князя Барятинскаго за 1860 годъ видно, что Ставропольская губернія, при населеніи въ 340 тысячъ, давала нѣсколькими тысячами рублей болѣе дохода, чѣмъ весь Закавказскій край, населенный уже тогда тремя милліонами жителей. Принимая оффиціально показываемую цифру населенія Европейской Россіи и Сибири 76.400,000, на душу приходится по бюджету 1860 г. слишкомъ 9 руб. налога всякаго рода. Въ Закавказскомъ краѣ платежная способность населенія выражается цифрой $2\frac{1}{4}$ руб., въ Туркестанѣ—1 р. 90 коп.; въ общей сложности и по курсу—тѣми же неизмѣнными 6—7 франками, какъ въ Индіи и Малезіи“...

„Конечно, разработка естественныхъ богатствъ нашихъ азійскихъ окраинъ сулитъ еще многое впереди, но совсѣмъ невѣроятно, чтобы эти страны стали когда нибудь богаче Индіи, съ которой англичане, при всемъ ихъ умѣньи и беззащитности, не могутъ выбрать болѣе $7\frac{1}{2}$ франковъ съ души. Европейцы, которымъ удалось захватить разные углы Азіи, давно поняли *неизбѣжныя условія* своего владычества и примѣнились къ нимъ; они не помышляютъ о перенесеніи въ Азію своихъ дорогихъ гражданскихъ учрежденій, удерживаютъ въ своихъ рукахъ одну только правительственную власть, оставляя странѣ ей присвоенную дешевую администрацію, вслѣдствіе чего имъ остается изъ мѣстныхъ доходовъ достаточно средствъ для содержанія вооруженныхъ силъ. У насъ же стоимость одного гражданскаго управленія въ Закавказскомъ краѣ не только поглощаетъ весь приносимый областью доходъ, но требуетъ еще крупной приплаты со стороны Государственнаго казначейства“.

Въ этихъ выдержкахъ изъ разсужденій генерала Фадѣева есть много справедливаго по отношенію къ западнымъ государствамъ и только *отчасти* по отношенію къ нашимъ средне-азіатскимъ владѣніямъ, гдѣ народонаселеніе сплошь мусульманское (а мусульмане и христіане, по вѣрному выраженію автора, не смѣшиваются, какъ масло и вода, почти ни въ чемъ), а недостатокъ свободныхъ земель и воды не даетъ надежды въ будущемъ на крупную русскую колонизацію; объ этомъ мы говорили не разъ въ нашей газетѣ. Что же касается Кавказа, то не слѣдуетъ забывать, что этотъ край составляетъ неотъемлемую и неразрывно связанную часть Россіи, крупный алмазъ въ нашей коронѣ. Мы владѣемъ Кавказомъ не на правахъ колоніи, а также точно, какъ и всякими другими окраинами Европейской Россіи и съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, помимо всего другого, съ каждымъ днемъ растетъ географическая связь съ этою страной.

Существенное отличіе европейскихъ колоній отъ нашихъ, это отсутствіе географической связи и *подавляющее* народонаселеніе, не имѣющее ничего общаго съ своими побѣдителями, тогда какъ на Кавказѣ болѣе половины населенія—вполнѣ преданные намъ христіане, о чемъ и самъ Фадѣевъ говоритъ въ послѣдствіи въ своихъ запискахъ. Изъ Индіи съ ея почти 250-ти-милліоннымъ населеніемъ—Англіи не сдѣлаешь. Это населеніе остается только эксплуатировать въ пользу кровныхъ англійскихъ интересовъ, уже потому, что все равно рано или поздно колонія эта отдѣлится отъ своей метрополіи. Совсѣмъ другія отношенія связываютъ насъ съ Кавказомъ, частью добровольно къ намъ присоединившимся и задачи нашего владычества тамъ облегчаются тѣмъ, что интересы христіанскаго населенія совершенно совпадаютъ съ нашими интересами.

Переходя отъ общихъ положеній къ частностямъ, Фадѣевъ разсматриваетъ вопросъ о Кавказѣ со стороны пригодности соединенія подъ одною властью русскихъ и чужеземныхъ загорныхъ областей; о правильности одинаковаго законодательства для христіанской и му-

сульманской половинѣ Закавказскаго края, о бюджетѣ гражданскаго управленія и о введеніи тамъ общей воинской повинности. Нѣкоторые изъ его взглядовъ, какъ по отношенію къ сокращенію гражданскихъ управленій и войскъ и отдѣленія нѣкоторыхъ чисто русскихъ областей, частію осуществлены, частію осуществляются. По поводу излишняго переполненія края войсками, Фадѣевъ совершенно вѣрно говоритъ, что въ 1856 году, по заключеніи парижскаго мира, когда внутренняя война на Кавказѣ была въ полномъ разгарѣ, число русскихъ войскъ, занимавшихъ Закавказье и Дагестанъ, было втрое менѣе, чѣмъ въ 1881 году, среди глубокаго внѣшняго и внутренняго мира. Въ этомъ направленіи, сколько намъ извѣстно, сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ дислокаціи.

Точно также уже сдѣланы сокращенія, хотя еще не совсѣмъ достаточныя, по центральному военному и гражданскому управленію, а также уменьшеніе непомѣрнаго числа уѣздовъ; къ предложеніямъ автора остается только добавить еще присоединеніе Карсской области (80 т. нас.) въ административномъ отношеніи къ Эриванской губерніи.

Приводимыя авторомъ цифры достаточно вѣрно указываютъ на поглощеніе огромныхъ суммъ на содержаніе излишнихъ войскъ въ мирное время и администраціи, вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія центральныхъ учреждений и значительныхъ окладовъ, получаемыхъ высшими должностными лицами. Тѣмъ не менѣе эти расходы и сопряженный съ ними дефицитъ не могутъ указывать на органическую убыточность Кавказа; край не виноватъ, что тамъ въ мирное время держать излишнія войска и избытокъ административныхъ учреждений. Если Кавказъ даетъ 15 мил. сбора, то этой суммы въ сущности достаточно на нужды самаго края, а большіе или меньшіе доходы будутъ находиться въ тѣсной зависимости отъ общаго благосостоянія Россіи. Что же касается вообще расходовъ на содержаніе даже нормальнаго числа войскъ, то эти расходы всегда были и будутъ преобладающими на нашихъ окраинахъ, т. е. на границахъ, гдѣ можно ожидать войны. Медленность турец-

кой мобилизаціи даже допускаетъ возможность содержанія относительно меньшаго числа войскъ, чѣмъ, напр., на западной границѣ. Тутъ Кавказъ также не при чемъ, какъ не при чемъ была бы Петербургская губернія, если бы стали отъ нея требовать, чтобы доходы ея равнялись расходамъ на содержаніе гвардіи и другихъ войскъ, ее занимающихъ. Другое дѣло, еслибъ сравнить, по Фадѣеву, стоимость военно-окружного кавказскаго управленія (948 лицъ 859 т. руб.) съ стоимостью варшавскаго (250 т.). Въ этомъ случаѣ бросается въ глаза крупная разница, которой не должно было бы существовать.

Новое время. 1884.
№ 2874.

По поводу мыслей генерала Фадѣева о
средне-азіатскихъ окраинахъ.

II.

Переходя къ задачамъ, которыя должна преслѣдовать Россія для политическаго закрѣпленія края, Фадѣевъ говоритъ, что оба первые кавказскіе намѣстника имѣли въ этомъ отношеніи своеобразные взгляды. Князь Воронцовъ, не признававшій возможности улучшенія чего-либо посредствомъ распложенія административныхъ агентовъ и формальностей и экономный на государственные расходы, думалъ закрѣпить Кавказъ возвышеніемъ мѣстнаго дворянства, покровительствуя ему въ Грузіи и создавъ его въ мусульманскихъ областяхъ въ лицѣ бековъ и агаларовъ. Хотя тогда были другія времена и нравы и въ исключительной поддержкѣ привилегированнаго сословія видѣли особую силу, но и въ то время въ системѣ бековъ и агаларовъ заключалась ошибка, потому что, благодаря ей, мы до сихъ поръ не кончили съ крестьянской реформой въ мусульманскихъ областяхъ. Мы уже не говоримъ уже о томъ, что правительство не можетъ строить своихъ расчетовъ исключительно на преданности отдѣльных, имъ же созданныхъ личностей, а опирается на массу или на штыки.

Князь Барятинскій, продолжая отчасти систему Воронцова и желая «ускорить жатву», по фигуральному выраженію Фадѣева, учредилъ „общество святой Нины“, имѣя въ виду обращеніе мусульманъ въ православіе, и широко и безъ нужды развилъ центральную администрацію для приданія кавказскому управленію самостоятельности во всѣхъ отношеніяхъ. Последнее уже нашло достаточное осужденіе; что же касается „общества св. Нины“, которое почему-то приурочиваетъ сюда Фадѣевъ, и цѣли этого общества, то учрежденіе это оказалось простымъ переводомъ русскихъ денегъ. Изъ трехъ милліоновъ рублей, со-

бренныхъ за ордена и пожертвованіями, единственнымъ полезнымъ употребленіемъ было то, что хорошо построили Караясскій оросительный каналъ, который никакого отношенія къ распространенію христіанства не имѣлъ.

Генераль Фадѣевъ правъ, говоря, что должны быть установлены правильныя отношенія къ мусульманамъ и грузинамъ и особо къ каждому изъ этихъ племенъ (грузинамъ и армянамъ, добавимъ мы отъ себя, ибо все христіанское населеніе безусловно предано Россіи). Это потому, что мы не можемъ разсчитывать въ ближайшемъ будущемъ, какъ и показалъ опытъ минувшей войны, на искреннюю преданность мусульманъ. Въ прошлую кампанію Дагестанъ былъ въ огнѣ, а среди многочисленныхъ закавказскихъ татаръ была замѣтна очевидная готовность подняться противъ насъ при первомъ успѣхѣ Измаила-паши въ Эриванской губерніи. Еще долго будетъ держаться обаяніе калифа среди мусульманскаго народонаселенія; еще долго они будутъ смотрѣть на Константинополь. Справедливость и строгость удержитъ ихъ отъ опасныхъ заблужденій, но довѣрять вполне имъ не слѣдуетъ.

По отношенію къ грузинамъ авторъ говоритъ о важности для государства искренней вѣрности и сохраненія, какъ племени, этого прекраснаго народа, болѣе тысячи лѣтъ цѣною доблестныхъ усилій отстаивавшаго у мусульманъ (арабовъ, персовъ, турокъ, лезгинъ) свою независимость и православную вѣру и, наконецъ, свободно отдавашагося Россіи. Сохранить грузинъ какъ племя—мысль правильная, но, къ сожалѣнію, авторъ сводитъ все это только къ сложенію съ грузинскаго дворянства 3 милліоновъ рублей долга казнѣ. Деньги эти дѣйствительно слѣдуетъ простить, потому что ихъ трудно когда либо получить. Фадѣевъ боится, чтобы землевладельческое сословіе дворянъ не замѣнилось другими, хотя бы армянами, и что это можетъ опасно измѣнить будущія отношенія грузинскаго племени къ Россіи. Если же ужъ такъ важно сохранить дворянскій престижъ въ Гру-

зіи, то всего лучше было не уничтожать систему маіоратовъ, существовавшую при царяхъ для старшихъ въ княжескихъ родахъ (дидебули).

Относительно церковнаго устройства для грузинскаго населенія авторъ справедливо нападаетъ на стремленіе нашихъ іерарховъ обрусить грузинское духовенство и замѣнить мѣстные церковные обычаи обще-русскими, что способствовало отчужденію народа отъ духовенства. Дѣйствительно, грузинская православная церковь съ V-го вѣка имѣла своего католикоса (патріарха) и только по наружности входила въ титулъ антiохійскаго патріархата. Нашъ синодъ присоединилъ ее, а русскіе экзархи стали стремиться къ обрусѣнію духовенства. Обрусѣнія не получилось, но явились священники, не умѣющіе служить, подобно католическимъ патерамъ, на языкѣ, понятномъ народу, но за то занимающіеся отъ нечего дѣлать переводами на грузинскій языкъ соціалистическихъ сочиненій, въ родѣ „Хитрой механики“, какъ это и было нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Кутаисѣ.

Съ меньшимъ, чѣмъ къ грузинамъ, довѣріемъ относится Фадѣевъ къ армянамъ. Онъ видитъ глубокое различіе этихъ двухъ народовъ въ племенномъ характерѣ и стремленіяхъ.

„Армянское племя не воинственное, а торговое (или правильнѣе—умѣющее добывать деньги всякими путями) и изворотливое, а потому, число богатыхъ армянъ постоянно растетъ, захватываетъ выгодныя дѣла и вліяетъ своими дѣлами на администрацію, между тѣмъ какъ грузины бѣднѣютъ; казенныя школы, кромѣ заведенныхъ ими на собственныя деньги, переполняются армянскими подростками не столько для ученія, сколько для диплома“. Армянскіе торговцы дѣйствительно пользуются среди многихъ заслуженной антипатіей, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что $\frac{3}{4}$ закавказскихъ армянъ занимаются земледѣліемъ и только остальная $\frac{1}{4}$ живетъ въ городахъ, изъ коихъ, въ свою очередь, половина ремесленники. Характеръ же

земледѣльцевъ глубоко отличается отъ характера торговцевъ, о меркантильности и изворотливости которыхъ говоритъ Фадѣевъ. Недовѣріе его къ боевымъ способностямъ армянъ находитъ себѣ подтвержденіе среди армянъ турецкихъ, которые дѣйствительно оказались въ прошлую войну плохими воинами; по отношенію же къ закавказскимъ не было еще сдѣлано опыта, но кто изъ нихъ служилъ, то служилъ хорошо. Достаточно упомянуть, что за послѣднія 50 лѣтъ армяне дали такихъ славныхъ, нынѣ уже умершихъ, генераловъ, какъ князь Аргутинскій-Долгорукій, Василій Бебутовъ (побѣдитель при Кюрюкъ-Дара), Теръ-Гукасовъ (сынъ сельскаго священника), Лазаревъ (сынъ портного), Шелковниковъ и др., которые не разъ вели на побѣду и одолѣніе русскія знамена. Армяне не евреи, у которыхъ Маккавеевъ и слѣлъ простылъ. Политическій сепаратизмъ армянъ врядъ ли заслуживаетъ серьезнаго вниманія. „Армянская народность не ограничивается русскими предѣлами, какъ грузинская, она распространяется въ Турціи до Средиземнаго моря, вслѣдствіе чего армяне считаютъ себя многочисленнымъ народомъ, а нѣкоторымъ изъ нихъ это даетъ даже поводъ къ мечтаніямъ о политической самобытности“. Такое политическое направленіе, по мнѣнію автора, хотя и не опасно, но сбиваетъ многихъ, внушаетъ нежелательное въ русскихъ подданныхъ настроеніе и можетъ служить орудіемъ враждебныхъ Россіи *иностранныхъ* интригъ. По его же словамъ, среди армянской интеллигенціи существуютъ двѣ партіи: „либеральная“, стоящая за прочное единеніе съ Россіей, и консервативная, проповѣдующая самостоятельную будущность племени. На эти двѣ партіи обращены теперь глаза всего разсѣяннаго по свѣту армянства. Политическій сепаратизмъ до сихъ поръ ни въ чемъ не выразился. Если въ Константинополѣ, среди тамошнихъ армянъ существуютъ партіи, изъ коихъ одна желаетъ присоединенія, а другая—автономіи, то смѣшно ставить имъ это въ упрекъ. Мы, русскіе, сами натолкнули

берлинскій конгрессъ на либеральныя реформы среди турецкихъ армянъ (§ 61 договора) и не намъ удивляться, что армяне мечтаютъ объ улучшеніи своего политическаго быта. Что касается фуляровыхъ платковъ, которые видѣлъ Фадѣевъ въ Константинополѣ, съ напечатанными на нихъ картами будущаго армянскаго царства, то въ эти платки можно было сморкаться безъ страху и безъ политики. Закавказскіе армяне пока еще не замѣчены въ политической неблагонадежности, а сочувствіе ихъ къ участи турецкихъ армянъ будетъ весьма понятно, если мы вспомнимъ наше собственное сочувствіе къ болгарамъ, которые намъ только дорогие кузены, а тѣ между собою родные братья.

У грузинъ и армянъ хотя и есть стремленіе сохранить свои національныя особенности, но это стремленіе чисто *этнографическое*, а не *политическое*, да послѣднее и не мыслимо, въ виду ихъ географическаго положенія и малочисленности. Этнографическія же стремленія оправдываются исторіей, языкомъ, литературой, вѣрой и прочимъ и не слѣдуетъ „настаивать“ на сліяніи, которое когда-нибудь придетъ само собою, безъ репрессалій.

Странно было бы, еслибъ Россія, пролившая столько крови за освобожденіе западныхъ христіанъ Турціи, взяла бы на себя роль послѣдней по отношенію къ подданнымъ ей христіанамъ восточнымъ.

Литературныя партіи среди русскихъ армянъ также не имѣютъ значенія; Фадѣевъ очевидно пишетъ о нихъ по наслышкѣ; еслибъ онъ попросилъ перевести себѣ хотя одинъ номеръ газеты „Мшакъ“ или „Меву“, то онъ убѣдился бы, что такіе жалкіе органы не могутъ имѣть вліянія на политическій образъ мыслей хоть сколько нибудь значительнаго кружка.

